

Артемьева Е. Ю. Психология субъективной семантики.

Изд-во: ЛКИ,- 2007. 136 с.

В монографии раскрываются конкретные аспекты включений субъекта в деятельность, исследуются некоторые содержательные стороны деятельности человека и структуры его субъективного опыта. Особое внимание уделено психологическим процессам познания и описания геометрических форм. Представлен экспериментальный и методический материал.

Для специалистов-психологов, занимающихся проблемами визуального мышления, восприятия, памяти.

Оглавление

От автора

Глава I. Координаты объекта и координаты опыта.....

Глава II. Эмоционально-оценочные коды объектов. Гипотеза «первовидения» .

Глава III. Немного о природе актуальных координат

Глава IV. Стратегии испытуемых.....

Глава V. Манипулятивный профиль испытуемого

Глава VI. Патология актуальных структур

Субъективная картина мира и некоторые перспективы ее описания. (*Вместо заключения*)

Развитые формализмы современной науки, богатые возможности техники экспериментирования и обработки результатов порождают естественное стремление к применению строгих и даже унифицированных процедур исследований. Выбор все более жестких экспериментальных схем — один из путей движения в этом направлении. В психологии этот путь представлен желанием как можно точнее задать инструкцию, как можно тщательнее исключить неконтролируемые входные параметры, как можно жестче регламентировать стимуляцию—все это для того, чтобы результат стал однозначно интерпретируемым. Эта практика дистиллированной стимуляции, как любая разумная диета, несомненно, способствует

стройности результатов, но исключает некоторые радости научного бытия. Картина встречи субъекта с миром несколько обедняется. Из поля зрения исследователя выпадает тот наиболее драматический момент, когда субъект принимает стимуляцию встречным структурированием мира, когда деятельность находит свой объект.

Специальное же внимание к ситуации нежестких инструкций и неопределенных стимулов (разумеется, при условии анализа с помощью адекватных теоретических и методических средств) таит, на наш взгляд, много интересных возможностей.

Наблюдения в условиях «свободных» инструкций могут помочь выявить устройство субъективной картины мира (картины мира для субъекта), отражающей в себе и его (субъекта) личностно-манипулятивные особенности. Прямая констатация актуальных свойств, которыми наделяется

являющийся объект, может дать сведения о когнитивных структурах опыта, о наиболее доступных для исследования семантических структурах. Эти соображения определили и название книги — «Психология субъективной семантики».

Весьма существенным для описываемых нами структур является их участие в отношениях субъекта с миром: иными словами, если аксиоматика большинства психологических теорий апеллирует к психотехнике (организации психических процессов), то нам хотелось бы работать внутри психологии. Поэтому мы не всегда могли прямо воспользоваться терминологией существующих теорий, и нам пришлось вводить понятия типа «структура субъективного опыта», «координаты опыта субъекта». Конечно, мы не раз наталкивались на существенные методические и интерпретационные трудности. Далеко не все из них нам удалось преодолеть. И основную свою задачу мы до сих пор видим в привлечении внимания к некоторой богатой, но полузабытой экспериментальной реальности, в обосновании возможности работать с ней.

Наши исследования были начаты несколько лет назад совместно с *Л. С. Назаровой*. Велика ее помощь и в подготовке этой книги. Большинство приведенных в тексте рисунков получены из ее коллекции. В экспериментальных исследованиях также принимали участие бывшие в то время студентами *О. Бондаренко (Сальманова)*, *А. Шипицына*, *М. Татарлиева*, *А. Тхостов*. В тексте использовались материалы их дипломных работ. Приношу благодарность всем этим людям.

Мне потому особенно дорога сегодня сохранившаяся теснота наших деловых отношений, что я кончаю работу над рукописью в горькие дни нестерпимой боли утраты нашего общего учителя — *Александра Романовича ЛУРИЯ*. И теперь, когда стало остро понятно, чем были для нас его советы, одобрение или стимулирующее несогласие, я хочу посвятить его памяти хотя бы эту книгу. Я хочу это сделать еще и потому, что реализованная здесь эмоциональная направленность — желание использовать в теоретических конструкциях не только статистические, но и единично наблюдаемые факты — была общей точкой наших позиций.

Глава I

Координаты объекта и координаты опыта

Психологические эксперименты и наблюдения не раз поставляли материал, позволяющий думать, что человек, взаимодействуя с миром, часто квалифицирует его объекты вовсе не в тех системах классификаций и категорий, которые привычны для естественнонаучной практики. Конечно, актуальные свойства внешнего объекта определяются прежде всего ситуацией, в которую он включен: яблоко сладкое для

сорвавшего его ребенка, желто-красное — для художника-колориста, спелое — для садовода, слабокислое — для винодела. Однако для того чтобы обсудить логику этого вычерпывания качеств, интересно выяснить, каким является нам объект при достаточно неопределенных «условиях задачи». Если бы при этом актуализировались устойчивые сгустки свойств, это означало бы существование механизмов, закономерно «упаковывающих» опыт общения субъекта с миром в некоторые специальные структуры. Сходство или различие этих структур с системами естественнонаучных классификаций говорило бы о сходстве или различии логического и психологического структурирования.

Существование механизмов, обеспечивающих квалификацию являющегося объекта или перцептивной ситуации посредством встречной актуализации некоторых структур опыта (при этом структур, обеспечивающих и устойчивость квалификации при повторении ситуации и внутри однородной группы людей), неоднократно подтверждалось в генетических исследованиях. Согласно гипотезе А. В. Запорожца I (1963), спецификой генезиса человеческого восприятия является то, что наряду с овладением индивидуальными средствами осуществления перцептивных действий происходит усвоение выделенных обществом систем чувственных качеств, к которым относятся системы геометрических форм, музыкальных звуков, цветов спектра, фонем родного языка и т. д. Подобные образования были названы Л. А. Венгером «сенсорными эталонами». Существование сен-; сорных эталонов несомненно обеспечивает инвариантность перцептивного принятия объекта. К этой же категории гипотетических механизмов перцептивной квалификации объекта относится функционирование «оперативных единиц восприятия», рассматриваемых в работах В. П. Зинченко и его сотрудников (Зинченко и др., 1962, 1967, 1971).

Непосредственными же примерами обнаружения структур, инвариантно реализующих актуальное описание объекта, являются **многочисленные** исследования семантических полей и пространств. Рассмотрим некоторые из них. Например, в экспериментах Н. Хэнли (1969) использовались несколько методик, выявляющих сходство значения слов, являющихся названиями животных. Меры сходства (или несходства) использовались как элементы матрицы смешения, и к матрицам применялась процедура многомерного шкалирования. Была получена координатная сетка семантического пространства. Оси этого пространства допускали интерпретацию в терминах «величины» животного (на крайних полюсах оси слон и мышь), «степени дикости» (на полюсах лев и овца), «человекоподобности» (на полюсах обезьяна и носорог). Позже другие исследователи подтвердили актуальность выделенных координат для млекопитающих и для птиц. Таким образом, оказалось, что животные мыслятся испытуемыми не так, как это делается в собственно-биологических классификациях. Как было замечено А. Г. Шмелевым (1976), дело здесь не в особенностях вербализации названий: мы с уверенностью можем говорить об экстралингвистическом происхождении выделенных признаков: «величина» — существенная характеристика наглядно-образного представления о животных, «степень дикости» — характеристика функциональная, с оттенком аффективного отношения.

Другим примером являются хорошо известные реконструкции семантических пространств, построенных Ч. Осгудом (1957). В работах Осгуда и сотрудников получены координатные векторы, удивительно устойчиво характеризующие понятия, обозначенные словами различных языков в различных культурах. Устойчивые сцепления свойств, используемые при опознании и идентификации, обнаруживались и на невербальном материале: например, эмоционально-оценочные комплексы для

идентификации тактильно воспринимаемых объектов (Жукова, 1976). жесткие комплексы ситуаций при узнавании задач (Мазилов, 1976) и т. д.

Теперь представим себе экспериментальную ситуацию, в которой испытуемому показывают изображения некоторых геометрических форм и просят описать предъявленные объекты. Это весьма неопределенная задача: можно указать геометрические свойства этих форм, можно сослаться на реальные предметы, похожие по своим очертаниям на описываемые изображения, можно перейти к многочисленным метафорическим языкам и т. д. Пока нам важно только то, что каждый раз испытуемый обращается к некоторой системе свойств, из нее черпает свои ответы. Будем называть базисные элементы этой системы (системы свойств, реально используемой испытуемым при описании объекта или ситуации) *актуальными координатами объекта* или *ситуации*. Выбрать актуальные координаты объекта — это значит определить, что нужно знать о нем, какую информацию следует вычерпывать. Очевидно, это задается актуализацией встречных представлений об объекте, некоторых образных структур, внутренних проекций мира, сложившихся, в частности, в результате опыта взаимодействия субъекта и мира, т. е. можно говорить о структурах, соответствующих актуальным координатам объекта, — об *актуальных координатах опыта*, — не обсуждая пока природы этих новых структур и природы самого соответствия. Познакомимся ближе с некоторыми конкретными системами актуальных координат объектов (а следовательно, и актуальных координат опыта).

Обратимся к экспериментам.

Экспериментальным материалом служили 8 карточек с контурными изображениями, которые представляют собой произвольно трансформированный круг (см. приложение 1) и 14 шкал, составленных по типу шкал Ч. Осгуда (1957). Каждая шкала задана двумя полярными терминами, которые отражают физические, механические, эмоционально-оценочные свойства:

Легкое	— тяжелое,
твердое	— мягкое,
чистое	— грязное,
быстрое	—
	медленное,
горячее	— холодное,
противно	— приятное,
е	
доброе	— злое,
старое	— молодое,
сытое	— голодное,
глупое	-- умное,
активное	— пассивное,
горькое	— сладкое,
смелое	— трусливое,
несчастно	—
е	счастливое

В первой серии эксперимента испытуемым предлагалась следующая инструкция: «Вам будут даны карточки со шкалами и последовательно предъявлены изображения. Ваша задача заключается в том, чтобы Вы, согласно своему ощущению, поместили каждое изображение на правый или левый край шкалы».

Всем испытуемым выдаются шкалы, затем последовательно им предъявляются все изо-

бражения, каждое из которых должно пропускаться через все 14 шкал.

В экспериментах основную группу составили 83 испытуемых (школьники 4-го класса — 10 человек, школьники 7-го класса — 17 человек, школьники 10-го класса — 22 человека, студенты — 12 человек, специалисты-конструкторы — 12 человек). Кроме того, в этой серии участвовали 22 болгарских студента и старшеклассника.

Результаты шкальных оценок (по группам и для всех испытуемых сразу) были сведены в таблицы. По сводной таблице результатов всех испытуемых для каждого изображения были выделены те свойства, которые оценивались одинаково статистически значимым числом участников эксперимента (значимость определялась по стандартному критерию χ^2). Выяснилось, что для каждого изображения, возможно, выделить несколько таких устойчивых свойств:

изображение 1 — легкое, доброе, очень чистое, очень холодное, молодое, умное, почти тихое, приятное, почти

активное, сладкое, смелое;

изображение 2 — чистое, почти холодное, твердое, почти приятное, горькое, очень смелое;

изображение 3 — чистое, холодное, твердое, быстрое, почти противное, горькое;

изображение 4 — громкое, быстрое, сытое, почти активное, почти горькое, сильное;

изображение 5 — тяжелое, почти злое, мягкое, медленное, сытое;

изображение 6 — доброе, сытое, приятное, старое;

изображение 7 — чистое, горькое, сильное;

изображение 8 — почти легкое, очень доброе, очень чистое, почти молодое, тихое, сытое, приятное, смелое,

почти слабое, очень счастливое.

Эпитет «очень» означает, что свойство одинаково оценено практически всеми испытуемыми, отсутствие эпитета — число одинаковых оценок превышает статистическую границу, но близко к ней, эпитет «почти» — число оценок меньше статистической границы, но близко к ней.

Специальный интерес представляют те свойства, которые при шкалировании изображений различно оценивались испытуемыми. Мы ввели специальные экспериментальные серии для того, чтобы выяснить, являются ли эти шкалы неопределенными для каждого испытуемого или испытуемый принимает решение однозначно, но различные испытуемые — разные решения. В одной из серий опытов осуществлялась косвенная проверка альтернативы: 10 испытуемым было предложено для каждого изображения выбрать из всего набора шкал 5—7 шкал, по его мнению, «наиболее естественных для изображения».

Наборы свойств, полученных таким образом, практически почти во всем совпали с наборами значимых свойств, полученных методом шкалирования изображений. Так, например, изображение 8 по значимым шкальным оценкам объявлено тяжелым, мягким, медленным, сытым, почти злым. Все испытуемые выбрали для этого изображения в качестве естественных оппозиций «тяжелое — легкое», «мягкое — твердое», «медленное — быстрое», «голодное — сытое». Из этого следует, что свойства, которые не вошли в значимые наборы, являются неактуальными для изображения, и их незначимость не объясняется большей дисперсией по испытуемым.

В другой экспериментальной серии с прямым повторением шкалирования одним и тем же испытуемым через длительные промежутки времени (длина промежутков порядка 1 месяца, число повторений шкалирования -- около 10, число испытуемых — 15 человек) незначимые свойства имели максимальную дисперсию оценки.

Оценки же значимых (теперь уже можно сказать «актуальных») свойств были жестко устойчивы во времени: не было зафиксировано ни одного именения оценки свойства. Это касается и других 8 испытуемых, к которым обратились с просьбой повторно прошкалировать изображения через год после первого эксперимента.

Таким образом, мы имеем дело с весьма жесткими комплексами актуальных свойств изображений, очевидно, соответствующих дог статочно устойчивым представлениям о геометрических формах, зафиксированных в опыте не только и не столько в геометрических структурах. В свое время подчеркивая устойчивость феномена, мы назвали эти комплексы перцептивными универсалиями.

Еще одно подтверждение устойчивости универсалий можно усмотреть в опытах А. Тхостова (1976). Экспериментальным материалом также служили наборы контуров, изображенные в Приложении 1, только внутренность контуров закрашивалась одним из 6 основных цветов спектра. В одной из серий экспериментов 20 испытуемым предъявлялись все 80 цветных изображений и 16 шкал, формулировалась инструкция, аналогичная той, что использовалась в обсуждаемых выше экспериментах. Отличие состояло в том, что шкалы представляли собой не бинарные оппозиции, а имели 5 градаций. В результате были получены актуальные комплексы свойств предъявляемых цветографических объектов. В следующей экспериментальной серии испытуемому тахистоскопически предъявлялось одно цветное изображение. После этого ему давалось для опознания 4 изображения. Первое было похоже на предъявленное по цвету, второе — по форме, третье — отличалось по цвету и форме, но обладало сходным шкальным профилем, четвертое — отличалось от предъявленного по всем из перечисленных признаков. Испытуемого просили указать, какое изображение предъявлялось ему в тахистоскопе. В этой экспериментальной серии принимало участие 10 человек. Результаты существенно зависели от времени экспозиции. При предъявлении стимула с экспозицией меньшей 0,02 с испытуемые отказывались выполнять задание, и только 2 человека из 10 согласились выбрать изображение и выбрали похожее по цвету. При предъявлении стимула с временем экспозиции 0,02 с 6 испытуемых выбрали изображение, сходное по шкальному профилю, 2 — по цвету, а 2 — отказались сделать выбор. Важно отметить, что 2 испытуемых, выбрав в первый раз изображение по цвету, на этот раз сделали выбор по шкальному профилю. При экспозиции 0,25 с все испытуемые выбирали изображение, сходное по шкальному профилю. И только при времени экспозиции, большем чем 0,03 с, испытуемые в качестве рабочих свойств использовали форму и цвет. Заметим два обстоятельства, важных для дальнейшего обсуждения: во-первых, существуют комплексы, которые не являются комплексами цветографических свойств, но актуально участвуют в идентификации объекта; во-вторых, эти комплексы вступают в игру на определенных временных режимах, а именно на тех, когда объект доступен наблюдению, но тем не менее существует дефицит времени манипулирования с ним.

(Достаточно интересны результаты эксперимента со сложным сопоставлением актуальных комплексов свойств. Тахистоскопически предъявлялось цветное изображение с экспозицией 0,025 с. Испытуемого просили (в черно-белом варианте!) нарисовать то, что он видит. Сразу после эксперимента предлагалось прошкалировать свой рисунок, а через некоторое время — предъявленное изображение. Как видно из рис. 1а, шкальные профили рисунков и предъявленного изображения практически совпадают. При этом следует заметить, что шкальные профили цветографических объектов вовсе не совпадают с профилями незакрашенных контуров. Более того, как это видно на рис. 1б, рисунок испытуемого может вовсе не повторять строго форму

тахистоскопически предъявленного изображения. Объяснение лишь одно: не только существуют устойчивые внутренние проекции комплексов актуальных свойств объектов, но эти проекции структурно гибки, допускают межмодальностные переходы. Следовательно, не исключена возможность существования словарей визуального опыта — конечных систем визуальных образов (и трансформаций над ними), позволяющих классифицировать все внешние объекты.

После экспериментальных серий, подтверждающих существование и прямо констатирующих для некоторых ситуаций реальный набор координат опыта, нами была предпринята дополнительная проверочная — «обратная» — серия опытов. Для участия в этой серии было отобрано 35 испытуемых с развитым чувством формы, т. е. испытуемых, умеющих, по нашему мнению, адекватно осуществлять в рисунке свои намерения. Эти испытуемые не участвовали ранее в экспериментах и не были знакомы с набором изображений.

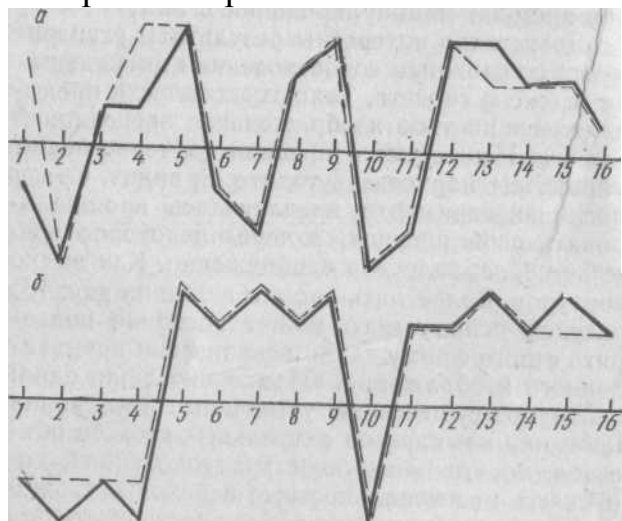

Рис. 8).

Шкальные профили оценок зарисованного испытуемым (сплошная линия) и предъявленного (пунктир) изображений. Цифры по горизонтальной оси обозначают номер шкалы, по вертикали откладывается значение шкальной оценки; а, б — разные испытуемые

Из данных первой серии были выбраны на каждое изображение наиболее значимые для него признаки, т. е. те, которые у статистически значимого числа испытуемых были одинаковы (значимость устанавливалась по χ^2 критерию). Эти наборы, всего их было 8, предъявлялись испытуемым. Их просили нарисовать такое изображение, которое, по их мнению, соответствовало бы всем признакам одного набора. Испытуемым была дана следующая инструкция: «Вам дается 8 карточек с наборами различных признаков. Вам нужно на каждый набор сделать по одному изображению, которое соответствовало бы всем признакам каждого набора. Желательно, чтобы Вы сделали контурное изображение». Если испытуемому было непонятно, каким должно быть изображение, то ему повторялась инструкция и предъявлялось изображение 7 (список соответствующих ему свойств: горькое, сильное, чистое).

Внимательное рассматривание рис. 2, на котором представлены примеры синтезированных испытуемыми изображений, снимает последние сомнения в существовании жестких комплексов актуальных свойств формы. Рисунки с удивительной точностью повторяют (неизвестные испытуемым!) исходные контуры. Еще интереснее, но, естественно, много сложнее, обстоит дело с рисунками другой группы испытуемых — испытуемых, практически не умеющих рисовать.

При обсуждении природы перцептивных универсалий мы еще вернемся к подробному анализу этих рисунков, а пока заметим только, что это, как правило, развернутые схемы сюжетов или изображения предметов, на первый взгляд мало напоминающих исходные изображения. Но внимательное возвращение к этим рисункам позволяет увидеть, что в большинстве случаев в синтезированном изображении содержится контур исходного изображения, иногда огибающая довольно близка к огибающей исходных изображений, в других — присутствует самый значимый элемент исходного контура.

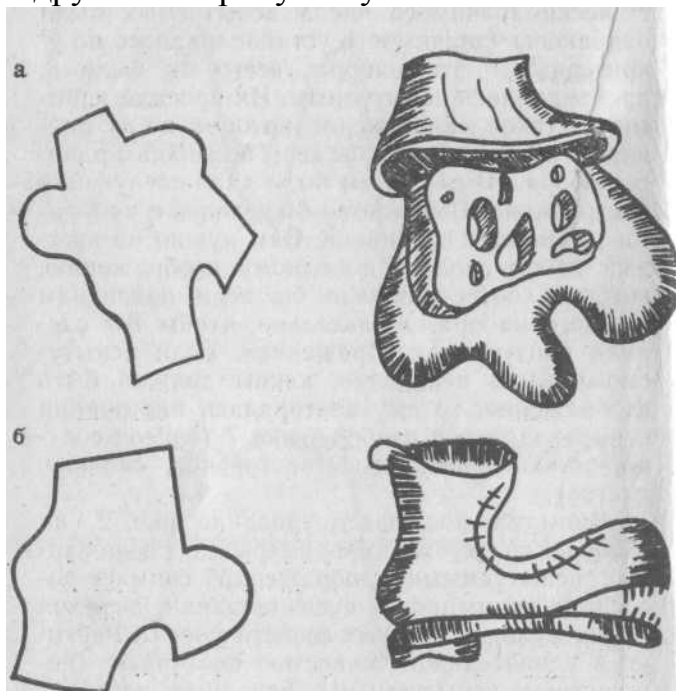

Рис. 2.

Изображения, синтезированные испытуемыми по списку свойств; а, б — рисунки двух испытуемых. Справа представлено синтезированное изображение, слева — исходное

Во всяком случае, новая группа испытуемых-экспертов (испытуемых, приглашенных для выяснения соответствия) однозначно и безошибочно устанавливала соответствие между набором синтезированных изображений и исходных контуров.

Еще одной группе испытуемых, также не принимавшей участие в других сериях эксперимента, были предъявлены изображения и все наборы значимых свойств. Предлагалось для каждого набора выбрать соответствующее ему, по мнению испытуемого, изображение. Все испытуемые безошибочно решили эту задачу.

Итак, результаты наших экспериментов убедили нас в существовании комплексов представлений о содержательных свойствах геометрических форм, одновременно актуализирующихся при решении перцептивной в широком смысле задачи (в нашем случае — оценки формы при свободной инструкции).

Теперь нам осталось в этой главе обсудить I только некоторые ограничения, накладываемые методическими особенностями эксперимента на возможности интерпретации его результатов.

Набор изображений, конечно, был слишком неполным для того, чтобы по полученным результатам можно было бы судить о всей системе актуальных координат формы.

Изображения синтезировались как произвольные трансформации круга: параметры формулы трансформации выбирались случайно и закреплены были только две крайние формы — неизменный круг и крайняя трансформация (до дельта-разрыва) — «снежинка». Вряд ли стоит опасаться того, что изображения были настолько

специальными, что факт существования сцепленных актуальных свойств (перцептивных универсалий) верен только для них. Таким образом, наша задача выяснения принципиальной возможности существования таких комплексов может считаться решенной. Другое дело, неполнота набора изображений, конечно, не позволяет судить об общей логике образования актуальных координат формы. Тем не менее, такая задача может возникнуть, например, в прикладных исследованиях. Интересно было бы также проследить зависимость (если таковая существует) шкального профиля изображения от его геометрических свойств. Тогда можно было бы говорить о психологически существенных и психологически несущественных геометрических квалификациях. Более существенным, на наш взгляд, является ограничение интерпретаций, связанное с особенностями системы шкал. Во всех обсужденных выше экспериментах строительным материалом универсалий служили вербальные ответы испытуемых, порожденные в жесткой категориальной системе, навязанной извне набором шкал. По существу, экспериментаторы имели дело с косвенными результатами, искаженными не только самим процессом вербализации, но и ограничениями, вносимыми навязанной категориальной системой. Правда, сама процедура построения наших шкал позволяет надеяться, что они достаточно адекватно представляют закрепленные в опыте (по крайней мере, в вербальном опыте) координаты. Шкалы строились так: из шестязыкового словаря-разговорника выбирались все прилагательные, кроме обозначения цветов, объединялись синонимы, и из окончательного списка выбирались 16 прилагательных, стоящих первыми в частотном словаре русского языка. Однако это не зачеркивает того? что в ситуации навязанных шкал выявление истинного алфавита инвариантов — задача еще более трудная, чем это кажется с первого взгляда. Ведь даже если согласиться с предположением о существовании такого алфавита (базиса, истинной системы координат, истинной категориальной системы), нельзя надеяться на непосредственное его наблюдение. Мы наблюдаем проекции инвариантов в других категориальных системах. Таким образом, мы оказываемся в часто встречающейся ситуации исследования, когда структура некоторой системы описывается на языке другой системы, имеющей, возможно, принципиально другое строение. Исследование общих законов построения адекватного языка описания таких ситуаций — очень сложная, но принципиально решаемая в рамках системного анализа задача. Некоторые аспекты разработки такого языка для психологических ситуаций обсуждались, в частности, в последние годы в работах автора (1975, 1976), М. Ш. Баймишевой (1975), В. В. Петухова (1976). В этих работах устанавливается связь формальных языков с концептуальными системами, внутри которых задаются единицы языка; интерпретация этих языков должна осуществляться в рамках тех же концептуальных систем. В частности, модельные конструкции, все элементы которых «извлекаются» из так или иначе интерпретированного психологического эксперимента, следует рассматривать как психологические теории. Проверка адекватности этих моделей осуществляется с помощью способов, приложимых к любой другой теории:

- 1) косвенных — согласование со сравнимыми концепциями (в данном случае психологическими), установление вложимости в более широкие теории;
- 2) прямых — практическая проверка следствий, пошаговая подстройка к действительности, позволяющая перевести модель из ранга предварительных рабочих гипотез в ранг фактического закона явления.

Выявление структуры перцептивного опыта путем построения инвариантов, очевидно, является формализацией именно такого типа: система инвариантов автоматически «обволакивается» некоторой концептуальной системой, которая сама по себе подлежит

исследованию.

Укажем также некоторые технические трудности, возникающие при построении инвариантов. Во-первых, распространенные сейчас факторные методы скорее всего окажутся бессильными: как видно из обсужденных выше экспериментов, выделенные инварианты являются целостными образованиями, не предполагающими аддитивную составимость из каких-то более дробных элементов. Кроме того, при переходе от наблюдаемых наборов инвариантов к истинным алфавитам речь идет не об отображении математической структуры в математическую структуру той же природы, а о переходе от одной концептуальной системы к другой. Во-вторых, хорошо унифицирующие эксперимент методики с навязанными категориями неудобны для интерпретации результатов, поскольку навязывание оказывается добавочной трансформацией, искажающей изучаемые единицы. Трудности, связанные с необходимостью учета искажений, вносимых вербализацией, порождают еще одну техническую задачу, задачу разработки способов описания вербализованных структур.

В наших дальнейших экспериментах мы пытались избежать осложнений, порождаемых навязанными шкалами, обратившись к методике свободного описания изображений. Испытуемым предъявлялся тот же набор контуров, что и в экспериментах по шкалированию, и предлагалось «описать эти изображения», «перечислить свойства изображений» или давались похожие варианты «глухих инструкций»¹. Обсуждение этих экспериментов будет осуществлено в следующей главе.

Еще одним существенным ограничением является использование вербальных ответов испытуемых (и в методике шкалирования, и в методике свободного описания): ведь обращение к вербализованным структурам предполагает специальный уровень актуализации, означает работу с осознаваемыми конструктами. Все это может существенно снижать познавательную ценность полученных универсалий формы: ведь априори не исключена возможность того, что эти универсалии определены для уровня осознанных рефлексий и вовсе не являются истинными актуальными координатами формы. Однако подтвержденная в «обратной» экспериментальной серии принципиальная возможность воспроизведения объекта (!) по списку свойств снимает опасения о несоответствии универсалий (полученных не в лучших методических условиях) истинным координатам объекта. Если объект восстанавливается по своим характеристикам, то, следовательно, они его характеризуют.

Глава II

Эмоционально-оценочные коды объектов. Гипотеза «первовидения»

Просмотр списков, актуальных свойств геометрических форм, полученных в опытах по шкалированию изображений в системе навязанных шкал, заставляет задуматься об особом месте эмоционально-оценочных свойств при описании и шкалировании форм. Практически во всех списках присутствуют такие свойства, наиболее устойчивыми и реально участвующими в оценке оказались эмоционально-оценочные шкалы типа «приятный — противный». Именно по ним изображения оценивались всеми испытуемыми практически одинаково. Например, в одной из экспериментальных серий круг был назван добрым всеми 15 испытуемыми, приятным — 13 из 15, но по шкалам другого типа оценки колебались более резко: сытый — 10 из 15, горячий — 9 из 15, активный — 7 из 15, тяжелый — 7 из 15.

Другой аспект устойчивости эмоционально-оценочных свойств выявился в

¹ В постановке, обработке и обсуждении экспериментов по методике свободного описания принимали участие Л. Назарова, О. Бондаренко, А. Шипицына. В качестве первичного материала для дальнейшей обработки частично использовались экспериментальные протоколы из дипломной работы Н. Верховской (1975).

экспериментах по сравнению шкал изображений и шкал субъективных названий этих изображений. Эти эксперименты будут обсуждаться ниже, а пока сообщим только, что в них испытуемые выполняли три задания: шкалировали изображения, «называли» их (обозначали словом), Шкалировали свои обозначения. Половине экспериментальной группы сначала предлагалось шкалировать изображения, другой половине — сначала «называть» и шкалировать «названия». В каждом сеансе эксперимента выполнялось только одно задание, промежуток между сеансами составлял несколько дней. При сравнении полученных шкал изображений и «названий» было выяснено, что общими оказывались оценки по эмоциональным шкалам, в то время как непосредственно чувственные шкалы могли получать противоположные оценки.

При свободном описании форм испытуемые чаще и прежде всего использовали эмоционально-оценочные, а не геометрические или непосредственно-чувственные шкалы свойства. Доля указаний эмоционально-оценочных свойств (совместно со ссылками на сходство с предметами, имеющими явно выраженную эмоциональную окрашенность) колеблется от $\frac{1}{2}$ до $\frac{4}{5}$.

Приведем примеры некоторых типичных описаний¹:

Исп. А. К.:

изображение 2 — спокойная, стабильная, круглая, милая;

изображение 6 — звездчатая, злая, неприятная;

изображение 3 — устойчивая, объемная, удобная.

Исп. О. С.:

изображение 2 — очаровательная, простая, ясная, глупая;

изображение 6 — гадостная, плоская, блестящая, злая;

изображение 3 — самодовольная, удобная, похожая на курицу и кувшин.

Исп. К. Р.:

изображение 2 — вкусная, светлая, милая, шершавая;

изображение 6 — колючая, громкая, хитрая;

изображение 3 — смешная, неожиданная, дурацкая, нелепая.

Отчетливо видно, что, давая описание объекта, испытуемый считает необходимым указать, каким (полезным ли, удобным ли, приятным ли) является этот объект в возможных взаимоотношениях с ним. Иными словами, изображение наделяется чертами партнера по взаимодействию, рассматривается пристрастно и неотстраненно. «Вопросы к объекту», которые задаются субъективными структурами опыта предъявляемому изображению, формулируются на языке эмоционально-оценочных координат!

Оказалось, что аналогичные наблюдения имеют место не только для форм. Например, в опытах Л. А. Жуковой (1976), где испытуемым предлагалось ощупывать бруски с разной фактурой поверхности и как можно точнее сообщать сведения об этой фактуре, были выделены инварианты тактильного свойства перцепта. При этом интересно заметить, что ядром инвариантов оказались не оценки внутри соответствующей модальности (тактильные свойства ощупываемых предметов), а свойства, имеющие оценочный или эмоциональный компонент. Так, например, большей различительной силой обладало свойство шелка быть «веселым» и «праздничным», чем «гладким» и даже «шелковистым».

Общей чертой всех обсуждаемых наблюдений была особая устойчивость эмоциональных признаков, их обязательная представленность в оценочных системах, казалось бы, вовсе не эмоциогенных изображений. Все это позволяет думать, что на некотором этапе Генезиса перцепта «субъективные» системы, т. е. системы, включающие субъективно

¹ Номера изображений соответствуют указанным на рис. 7 (см. Приложение 1).

значимые (в том числе и эмоциональные) свойства, являются первичными. Поэтому изображение скорее является нам добрым, спокойным, ласковым, а не круглоцентрированным, и, следовательно, можно говорить не только о сенсорных, но и об эмоциональных универсалиях. Нам даже хотелось бы говорить об этих универсалиях как о регуляторах построения образа. Ведь как выясняется из экспериментальных наблюдений, эмоционально-оценочные шкалы связаны с основными координатами образа, входят в ядро его свойств. Следовательно, оценивание по эмоциональным параметрам может обсуждаться как особый тип эмоциональной регуляции. Очевидно, эмоциональная регуляция — это не только облегчение или затруднение протекания психических процессов в зависимости от эмоционального сопровождения, не только регуляция текущими эмоциями, но и влияние прошлых эмоций. Пережитые эмоции, подобно пережитым манипуляциям с объектами, изменяют состав субъективного опыта, создают системы шкал и оценок, существенно определяющие отношение индивида к воспринимаемым объектам и ситуациям и, следовательно, его поведение. Эмоционально-оценочная природа актуальных координат объекта косвенно подтверждается и всеми теми экспериментами, где показывается ведущее значение полученных при шкалировании, по Осгуду, комплексов: ведь уже было отмечено, что наиболее «работающими» шкалами оказываются эмоционально-оценочные. Сошлемся снова на эксперименты, описанные в дипломной работе А. Тхостова (1976). Первая серия (в ней участвовало 20 человек) полностью совпадала с экспериментами, описанными в первой главе по инструкции, а предъявляемым материалом были карточки с цветными изображениями, ограниченными теми же контурами, что и в наборе, представленном на рис. 7 (см. Приложение 1). В частности, в набор были включены и карточки с незакрашенными контурами, поэтому мы можем прямо сопоставлять результаты, полученные для незакрашенных контуров с результатами, полученными в других экспериментальных сериях при работе с контурными изображениями. Проведенный нами анализ таблиц, по дисперсиям оценок для изображений и числа выборов альтернатив подтверждает ведущее значение метафорических (эмоционально-оценочных) шкал по сравнению с гностическими: эмоционально-оценочные шкалы дают максимальный разброс по изображениям (т. е. хорошо различают изображения) и минимальный разброс по испытуемым (т. е. одинаково оцениваются испытуемыми, являются сильными шкалами). Результаты для некоторых типов шкал представлены в табл. 1 и являются достаточно наглядными¹. Таким образом, мы снова убедились в том, что наиболее актуальными для испытуемых оказываются эмоционально-оценочные шкалы. На основании анализа результатов первой серии экспериментов из группы предъявленных изображений отбирались изображения разной формы и цвета, но похожие по шкальным профилям. К этой группе были добавлены другие изображения, так чтобы составила группа, обладающая тем свойством, что изображения каждого цвета и формы представлены равномерно, а по эмоционально-оценочным признакам равномерность нарушена. Испытуемому предлагалось сосчитать количество карточек в группе и постараться запомнить как можно больше изображений. Затем предлагалась интерферирующая деятельность (серийный счет). После этого предъявлялись четыре цветных изображения. Эти изображения не входили в предъявленную ранее группу, но такие цвета и формы были в ней представлены равномерно с другими. Одно из изображений по шкальному профилю было похоже на изображение с профилем, значимо

¹ Дисперсия для изображений (D_M) подсчитывалась обычным способом (без нормировки): $D_{из} = \sum (a_i - \bar{a})^2$, где a — Среднее по изображению число выборов, \bar{a} — число выборов для данного i -изображения. Разброс по испытуемым $D_{исп}$ оценивался как $D_{исп} = \sum (a_i - 10)^2$, где 10 — половина числа испытуемых.

представленным в группе. Испытуемому предлагалось вспомнить, какое из изображений, по его мнению, чаще встречалось, когда он считал карточки. Если бы испытуемые запоминали только формы и цвета, то они выбирали бы каждое из изображений с вероятностью $1/4$, если же эмоционально-оценочные свойства актуальны при запоминании, то чаще должно выбираться изображение с наиболее часто представленным шкальным профилем.

Таблица 1

Разброс оценок изображений

по эмоционально-оценочным и гностическим шкалам

Тип шкалы	Название шкалы	Диз	Дисп	Диз + + Диз + сп .
Эмоционально-оценочный	добрый—злой	126	40	166
	глупый—умный	60	30	90
	противный—приятный	74	31	105
Гностический	горячий—холодный	11	57	68
	легкий—тяжелый	53	27	80
	горький—сладкий	62	28	90

Оказалось, что 80% испытуемых (в опытах принимало участие 30 человек) назвали изображение со схожим профилем.

Это — более сильный результат, чем просто констатация существования эмоционально-оценочных комплексов актуальных координат форм. Ведь эти актуальные свойства являются не вербализованным продуктом деятельности по описанию объекта, а реально функционирующей внутренней структурой. Здесь мы непосредственно имеем дело с актуальными координатами опыта — и они оказываются эмоционально-оценочными. Объект не только объявляется, но и принимается для функционирования как заданный набором эмоционально-оценочных свойств:

Вспомним теперь обсужденные выше (гл. I) эксперименты, в которых было выяснено, что в условиях умеренного дефицита времени опознаваемое изображение представлено для испытуемого именно шкальным эмоционально-оценочным профилем.

Все эти факты порождают предположение о том, что восприятие объекта проходит по крайней мере две принципиально различные по механизмам стадии: «первовидение» — когда объект оценивается нерасчленимо-целостно, и «второвидение» — когда он (объект) отдается на поаспектное анализирование классифицирующим системам типа систем сенсорных эталонов.

На этапе «первовидения» грубо выясняется отношение объекта и субъекта (хорош ли, не опасен ли?), и понятно, почему эмоционально-оценочные свойства оказываются ведущими.

Представление о двухфазном строении процесса восприятия хорошо согласуется с известной фактологией псевдоскопических экспериментов (Столин, 1972, 1974), когда, скажем, лицо живого человека не искажается, а маска оказывается подверженной псевдоскопическим эффектам. Для такого разделения (разделения «видимого мира» и «феноменального поля» в терминологии А. Н. Леонтьева (1975) нужна фаза целостного оценивания, фаза оценивания не объекта как такового, а его отношений и связей.

Очевидно, наблюдаемые в наших экспериментах актуальные координаты форм являются координатами первовидения хотя бы потому, что в экспериментах по псевдоузнаванию тахистоскопически предъявляемых изображений при достаточном времени экспозиции ведущими актуальными свойствами изображения становятся цвет и форма. Это само по себе является довольно интересным фактом, позволяющим предполагать, что неопределенная инструкция («описать объекты»), инструкция, не указывающая задачу («для чего описать?»), актуализирует структуры первовидения, структуры, характеризующие отношение к объекту, а не сами его свойства.

Глава III

Немного о природе актуальных координат

Естественно поинтересоваться, с какой же психологической реальностью мы работаем, оценивая геометрические формы: с собственно визуальным образом, с вербальной структурой, с вторичным объектом, порожденным по ассоциации?

Самое простое предположение может состоять в том, что в экспериментах по шкалированию оцениваются вербальные обозначения, ассоциативно приписываемые формам. Для того чтобы проверить это предположение, проводились специальные серии экспериментов. В одной из них участвовали те же испытуемые, что и в основной серии: школьники младших и старших классов, взрослые испытуемые — студенты и конструкторы (всего 70 человек). Серия была непосредственным продолжением эксперимента со шкалированием. По окончании шкалирования всех изображений испытуемого просили сказать, на что похоже каждое изображение.

Затем с испытуемым проводилась другая серия опытов. Им предлагались те же 16 шкал, что и в предыдущей серии, и слова, которые нужно было прошкалировать: это были слова, названные каждым из них. Всего каждому испытуемому нужно было прошкалировать 8 слов. Инструкция испытуемым во второй серии: «Вам даются шкалы и Ваши слова, которыми Вы обозначали изображения. Теперь Вы должны каждое слово поместить на правый или левый край шкалы». Результаты выявили довольно сложную картину соотношений шкал изображений и обозначающих их понятий, картину, существенно зависящую от возрастного среза. Это можно заметить, просто наблюдая за ходом эксперимента в первой серии. Младшие школьники, прежде чем приступить к шкалированию, долго рассматривали изображения, часто, рассуждая вслух, искали, на что похоже каждое изображение, хотя их еще не просили называть изображения. Только после того, как они называли его, начинали распределять изображение по шкалам.

У старших это не происходило в таком явном виде. Одни из них перед шкалированием тоже поворачивали карточку, внимательно рассматривали ее, но многие начинали шкалировать изображение в том же положении, в каком оно было предъявлено экспериментатором. И только если оценка признака вызывала затруднение, некоторые начинали поворачивать изображение и рассматривать его со всех сторон. Из субъективных отчетов испытуемых видно, что каждое изображение вызывало какой-то образ, с самого начала уже было похоже на «что-то», но если оценка изображения по какому-то признаку не совпадала с оценкой возникшего образа, то в качестве шкальной давалась оценка изображения (а не образа-ассоциации).

Например, изображение 3 было названо испытуемым «Буратино», но из пары признаков «приятное — противное» на данное изображение был выбран признак «противное», хотя слово «Буратино» было оценено как приятное.

У взрослых испытуемых расхождений в оценках меньше. Рассмотрим типичные примеры оценок для школьников и взрослых испытуемых. Школьник четвертого класса называет изображение 7 «клоуном», и шкальные профили у этого испытуемого выглядят

так:

<i>изображение</i>		<i>слово «клоун»</i>	
тяжелое	быстрое	тяжелое	быстрое
злое	сытое	доброе¹	сытое
чистое	противное	грязное	приятно е
горячее	активное	холодно	активное е
твердое	горькое	твердое	сладкое
молодое	смелое	старое	трусливо е
умное	сильное	глупое	сильное
тихое	счастливое	громкое	счастлив ое

Девять несовпадений для шестнадцати шкал!

Взрослый испытуемый (студент) называет это же изображение «шприцем», и шкальные профили у него выглядят следующим образом:

<i>изображение</i>		<i>слово «шприц»</i>	
тяжелое	медленное	легкое	медленное
злое	голодное	злое	голодное
чистое	противное	чистое	противное
холодное	пассивное	холодно	активное е
твердое	горькое	твердое	горькое
молодое	трусливое	старое	смелое
умное	слабое	умное	слабое
громкое	несчастно	громкое	несчастное е

Результаты для 16 взрослых испытуемых были сведены в таблицы, аналогичные таблицам первой серии, и соответственные значения сравнивались. Окончательные результаты приведены в табл. 2, где на пересечении столбца, означающего номер изображения, и строки, соответствующей одной из шкал, стоит число испытуемых, противоположно оценивших данное изображение, и приписанное ему слово по данной шкале.

Таблица 2

*Несовпадения оценок изображений
и обозначающих их понятий*

Признаки	Номер изображения							
	1	2	3	4	5	6	7	8

¹ Выделены несовпадающие оценки.

Легкий	2	2	1	2	1	3	1	0
Добрый	3	1	1	0	0	0	2	2
Чистый	2	2	2	0	2	4	4	0
Горячий	1	1	4	1	2	4	1	4
Твердый	0	0	3	3	2	3	3	3
Старый	1	5	3	3	0	0	2	4
Глупый	0	2	2	2	4	1	2	2
Громкий	0	2	1	2	6	1	3	1
Быстрый	1	1	1	1	0	1	0	2
Сытый	0	3	1	0	1	6	3	2
Противный	2	1	0	1	2	3	3	0
Активный	1	5	0	2	2	2	4	4
Горький	1	2	1	1	2	1	0	1
Смелый	3	1	2	6	0	3	1	0
Сильный	0	3	0	5	3	3	2	1
Несчастный	0	2	2	0	1	1	2	2

Оказалось, что оценки слов и изображений Довольно часто не совпадают.

В среднем каждый испытуемый противоположно оценивает понятие и изображение, по крайней мере, по двум признакам. Наиболее несовпадающие пары породились изображениями 2, 6, 7, 8. Наиболее альтернативными признаками оказались: горячий — холодный, старый — молодой, активный — пассивный; наименее расходящимися: добрый — злой, быстрый — медленный, горький — сладкий, несчастный — счастливый. Итак, оценки изображений и обозначающих их понятий не вполне совпадают. Можно говорить о том, что в первой серии опытов испытуемые оценивали все же не понятия, а некоторые более сложные образы, порождаемые самими изображениями.

Аналогичные результаты были получены в дипломной работе О. Бондаренко (1977), при другом порядке оценивания: сначала изображению ставилось в соответствие слово, затем это слово шкалировалось, и только после этого шкалировалось изображение. Как и в описанных выше экспериментах, шкалирование слов и изображений проводилось в разные экспериментальные дни. Выяснилось, что шкальные профили названий и изображений отличаются друг от друга и число шкал с несовпадающими оценками колеблется от 1 до 8. При этом число сохраненных шкал является индивидуально-типологической характеристикой испытуемого. Эта значимая и допускающая теоретическую интерпретацию неустойчивость числа несовпадающих шкал является дополнительным аргументом в пользу того, что объектом, с которым работают испытуемые, является не обозначающее понятие, а некоторая другая структура.

Вернемся снова к экспериментам со свободным описанием изображений. Напомним, что основное назначение этих экспериментов состояло в непосредственном выяснении устройства системы актуальных координат изображений. Понятно, что знание этой системы может оказаться полезным и для понимания той образной реальности, с которой манипулирует испытуемый, оценивая изображения.

Методика эксперимента была проста: испытуемому предъявлялся исходный набор изображений и предлагалось «дать описание изображений», «написать несколько прилагательных, определяющих изображение» и т. п.

Методика свободного описания также вносит свою лепту в установление того факта, что актуальные координаты порождаются изображением, а не соответствующим ему понятием: наборы описаний существенно различны.

Вернемся к актуальным координатам.

Какие же свойства объектов входят в набор актуальных координат? Мы уже говорили об особой роли эмоционально-оценочных свойств в представлениях о форме. И действительно, они часто включались в свободные описания. Кроме эмоционально-оценочных, испытуемые отмечали собственно-геометрические, функциональные и другие свойства, использовали прямые названия предметов, на которые «похоже» изображение: «звездообразное», «похожее на ежика». При этом выбор описываемых свойств был больше связан с особенностями испытуемых, нежели изображений. Во всяком случае, в нашем наборе не нашлось ни одного изображения, которое описывалось бы всеми испытуемыми, скажем, на языке геометрических свойств. Но были испытуемые, наделявшие все изображения только геометрическими или только эмоционально-оценочными свойствами.

Эти различия склонностей испытуемых отражались и в различиях субъективных стратегий описания. Но сначала об общих особенностях стратегий. Если внимательно присмотреться к спискам свойств изображений, представленным испытуемыми, то можно заметить некоторые закономерности формирования этого списка, могущие оказаться полезным при обсуждении вопроса о том, с какой же образной реальностью имеет дело испытуемый, предлагая свои описания. Довольно часто встречающимся «паттерном» списка является связный комплекс свойств, создающий впечатление того, что он порождается в результате уточнения ассоциирования. Характерной особенностью такого комплекса является возможность очевидного заполнения переходов грамматическими связками подчинения. Например:

а) стремительная, носатая, любопытная: стремительная, *потому что* носатая, *следовательно*, любопытная;

б) плавающая, похожая на морскую звезду, жгущая: плавающая, *потому что* похожая на морскую звезду, *следовательно*, жгущая.

Однако, если первым называется свойство, прочно ассоциированное с формой, то оно столь явно не уточняется: следующие за ним свойства уже относительно независимы. Например:

а) круглая, плотная, катящаяся, звонкая;

б) плоская, холодная, жестяная, светлая. Мы уже предполагали выше, что выбор языка описания является некоторой характеристикой испытуемого. Оказывается, что это связано со свойствами «опредмечивания» изображения испытуемым (в смысле сопоставления изображений с реальными предметами). В дипломной работе Н. С. Верховской (1975) было предложено рассматривать три типа описаний изображений: геометрический (использующий описания собственно-геометрических свойств изображения), миметический (использующий прямые указания на «похожий» предмет) и ассоциативный (использующий свободные ссылки на свойства разных объектов). Мы будем следовать этой довольно удобной классификации.

Геометрический язык не требует опредмечивания как такового, поэтому нет смысла обсуждать, как «функционирует» предмет в процессе описания. Стратегия же описания в этом редко встречающемся в чистом виде случае состоит в использовании ряда независимых определений (напр., изображение называется остроугольным, вытянутым, несимметричным).

Миметический язык использует прямое обращение к предмету. В этом случае обычно первым в списке указывается предмет, на который, по мнению испытуемого, похоже изображение, а потом идет перечисление свойств предмета (а не изображения):

- похожа на башмак, тупоногая, рваная, грязная;
- звездоподобная, блестящая, холодная, голубая;

- как репейник, красная, колючая, похожая на лису, желтая, хитрая.

Если испытуемый ссылается на несколько предметов, в списке могут появиться противоречивые свойства (в последнем примере — красная, желтая).

Наиболее интересным является ассоциативный язык. Здесь если и появляется прямая ссылка на предмет, то, как правило, не на первом месте. Предмет-ассоциация как бы возникает по ходу процесса (колючая, серая, непротивная, непохожая на ежика, симметричная, как клубок ниток, домашняя) и может изменяться в процессе описания (неправильной формы, ботинок в тазу, рваный, грязный, толстая, добродушное...). Развертывание списка свойств происходит обычно линейно, т. е. наиболее связанными оказываются соседние слова. Однако возможны возвраты к внесенным ранее словам. Характерным примером такого одновременного функционирования в рабочем поле двух систем оценки является описание «УНЫЛАЯ, осколочная, ГРУСТНАЯ, каменная, ПЛОХАЯ, топор из неолита». Это одновременное обращение к разным системам является довольно любопытным свойством и, видимо, означает, что испытуемый имеет дело не с фиксированным визуальным образом, а с некоторым интермодальным динамическим образованием; не со свойством, а с пучком свойств, с полем объекта.

Итак, шкальный профиль или свободное описание объекта являются его существенными характеристиками. Существуют трансформации объекта (и довольно существенные), сохраняющие его шкальный профиль, при этом трансформированный объект субъективно принимается как один и тот же. Вспомним, как при зарисовке тахистоскопически предъявляемых цветных изображений испытуемый рисовал их черно-белые «эквиваленты», субъективно не сомневаясь, что это эквиваленты, и сохраняя шкальный профиль цветного изображения в черно-белом аналоге. Видимо, в этом смысле *объект* для испытуемого и *есть его шкальный профиль*. Однако хотелось бы попытаться угадать логику материализации шкального профиля в разных ипостасях объекта, угадать классы объектов, соответствующих одному и тому же профилю, точнее, одному и тому же набору существенных свойств.

«Обратная» серия экспериментов — синтез изображений в ответ на предъявление списка существенных свойств — может дать некоторый материал для размышлений по этому поводу. Например, на рис. За представлены изображения, синтезированные в ответ на актуальные свойства формы. Сам набор значимых свойств был таким: легкое, чистое, смелое. Геометрические свойства, объединяющие созданные испытуемыми изображения, наверное, могут быть названы «протяженностью», «вытянутостью», «перекрещенностью» и т. п. Если сравнить их со свойствами изображений, представленных на рис. 3б и соответствующих исходному изображению, имеющему свойство быть добрым, чистым, счастливым, то легко видеть, сколь они различны. Сознательно упрощая, можно сказать, что «холодность и чистота» — это вытянутый перекрест, а «доброта» — округлость. Это крайнее упрощение результата понадобилось нам для того, чтобы обратить внимание на его сходство с известными рассуждениями Арнхейма (1974), пытавшегося строить визуальные словари. Видимо, внешняя наивность этих попыток имела под собой вполне прочную экспериментальную почву. Не такая уж это безнадежная и бесполезная задача — развернуть свернутую в структурах нашего субъективного опыта классификацию мира, конечную для каждой определенной задачи. Таким образом, материал «обратной» серии заставляет нас думать, что актуальные координаты опыта действительно являются координатами, т. е. комплексами, осуществляющими разбиение всех свойств на непересекающиеся классы и обеспечивающие тем самым конструирование любого объекта из конечного числа других. Еще одно назначение координат-универсалий — проектирование физических

свойств (в нашем случае — геометрических свойств формы) на структуры субъективного опыта, на комплексы свойств, являющихся значимыми в опыте субъекта. Примером такого проектирования может быть проекция типа «доброта — округлость».

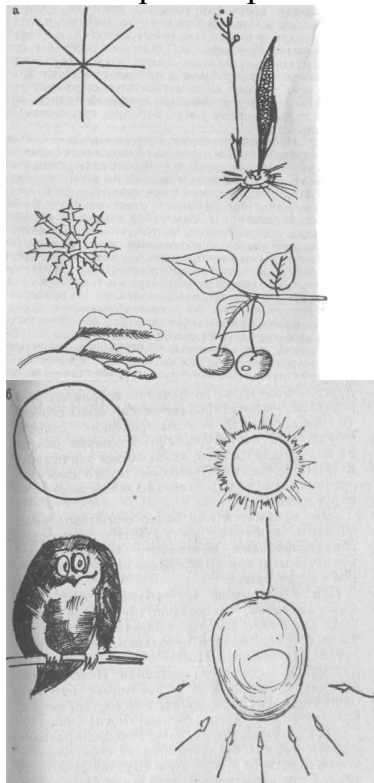

Рис. 3.

Изображения, синтезированные по списку свойств: а — изображение 1, б) — изображение 8. В левом верхнем углу — исходное изображение

Это покажется еще более вероятным, если обратить внимание на характер трудностей сбалансирования признаков, испытываемых испытуемыми при выполнении задания «обратной» серии опыта.

При наблюдении за работой испытуемых было замечено, что меньше трудностей вызывали задания, в которых изображения должны были соответствовать небольшому числу признаков: трем—пяти. Набор более чем из пяти признаков вызывал затруднения.

Испытуемые иногда говорили, что в некоторых наборах один (или два) из признаков не соответствуют возникшему у него (испытуемого) образу. Сделав рисунок, испытуемые начинали разглядывать его, как бы «уговаривая» себя, что рисунок содержит в себе этот выпадающий признак. Если испытуемый находил субъективное подтверждение этому, то он переходил к исполнению другого изображения.¹ Если оказывалось, что выпавшего признака нет в рисунке, то одни испытуемые все равно не меняли рисунок, другие пытались синтезировать новое изображение, обладающее и выпавшим свойством.

Поэтому в большинстве экспериментов пришлось даже использовать «сокращенные» наборы свойств — наборы из трех самых сильных свойств изображения.

Для выяснения природы актуальных координат интересно посмотреть, что происходит с ними при включении объекта в другую деятельность, при хранении и забывании его.

Экспериментальным материалом, с которым работали испытуемые, были восемь контурных изображений, полученных при произвольной трансформации круга, и набор из 16 шкал, построенных по типу шкал Осгуда, заданных двумя полярными терминами. В этой части эксперимента участвовало 25 человек (студенты МГУ). Проводились следующие серии эксперимента.

(Первая серия). Испытуемым попарно предъявлялись 8 контурных изображений.

Предлагалась следующая инструкция:

«Перед Вами разбитые по парам 8 контурных изображений. Выберите две любые пары, с которыми дальше будете работать». После этого предъявлялась основная инструкция: «Возьмите первое изображение и, рассматривая его, расскажите что-нибудь. Только попрошу сделать это в письменном виде. Карточку можете рассматривать в любом положении. Когда кончите работать с первым изображением, берите второе, и так для всех остальных».

После того как испытуемый кончал работу, изображения и рассказы убирались, испытуемому предлагалось вспомнить и зарисовать по памяти изображения, с которыми он работал.

Затем испытуемому снова давались те же изображения и карточка с 16 шкалами. Предлагалось оценить каждое изображение по каждой из 16 шкал.

Через 20—30 дней проводилась *вторая серия* эксперимента. В ней участвовали всего 9 из тех испытуемых, которые участвовали в первой серии. Испытуемому давались рассказы, которые он писал по изображениям, и рассказы еще двух испытуемых.

Просили прошкалировать на этот раз рассказы—сначала собственные, а затем чужие. После этого опять просили вспомнить и зарисовать изображения, которые на этот раз больше не предъявлялись.

Еще через некоторое время испытуемых, которые шкалировали рассказы, опять просили вспомнить и зарисовать изображения.

На основе результатов шкалирования контуров изображений 20 испытуемыми, участвовавшими в первой серии эксперимента, были выявлены «сильные» признаки шкал для каждого из 8 изображений. Таким же способом были подсчитаны признаки шкал для рассказов, которые испытуемые шкалировали во второй серии эксперимента.

Видно, что в основном оценки изображений 4, 6, 1, 8, 2, 3 по сильным признакам шкал сохраняются в оценках рассказов по тем же признакам, соответствующим этим изображениям. Что касается изображений 5 и 7, то о них с полной определенностью нельзя сказать, так как шкалировались только 6 рассказов по этим изображениям.

(Вообще эти изображения меньше всего выбирались испытуемым для работы).

Наблюдаются и некоторые тенденции к изменению в сильных признаках рассказов по определенному изображению. Так, в то время, как для изображения 9 происходит некоторое изменение его признаков при переходе его в рассказ, «очень тяжелого», «доброе» и «глупое» к какому-то среднему положению, то для его «напарника»—7 намечается выраженная тенденция изменения в сторону подчеркивания его «активности» (неочевидный признак) и от «холодного» переходит в сторону «почти горячего».

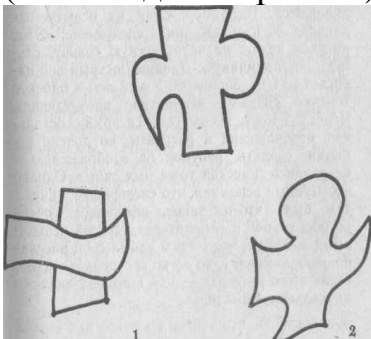

Рис. 4.

«Оплывание» контура при забывании. Вверху – исходное изображение; .1 - изображение при первом воспроизведении, 2- при втором

Таким образом, можно констатировать, что в основном осуществляется сохранение или совпадение оценок сильных признаков контурных изображений при их переходе в рассказах, ассоциированных по этим изображениям.

Интересно заметить, что при повторных рисунках по памяти (рис. 4) происходит естественная трансформация контуров, расхождение их с исходными, но сильные шкалы изображений не меняются (испытуемого каждый раз просили шкалировать его собственные рисунки). Более того, может становиться нечетким, оплывать представление о всей ситуации в целом, но сильные шкалы все-таки сохраняются. Например, один из испытуемых написал об изображении 4 следующее: «Этот рисунок похож на человеческую голову, глупую, но задумчивую. Длинный острый нос нависает над подбородком. Узкий лоб и плоское темечко создают неприятное впечатление». Через 2,5 месяца испытуемый вспомнил остальные изображения и рассказы, но долгие попытки сделать рисунок по изображению 4 не удались. Рассказ тоже был забыт. Однако испытуемый вспомнил, что «нехорошее я писал, там было что-то такое, нехорошее: очень острое, глупое и неприятное». Другой испытуемый сообщил, что совсем забыл свой рассказ по изображению 7, но легко воспроизвел «свойства» этого рассказа — весь комплекс значимо актуальных свойств.

Глава IV

Стратегии испытуемых

Мы уже говорили о том, что системы актуальных координат форм, выявляемые при свободном описании изображений, могут принадлежать к резко различным классифицирующим системам. Выбор той или иной системы описания формы является индивидуальной (или типологической) особенностью испытуемого и характеризует отношение испытуемого к задаче, способы «видения» объекта, способы манипулирования с ним. Обсудим это более подробно. Каковы стратегии описания у различных испытуемых и чем определяется выбор языка описания? Четко ли определяется испытуемыми объект описания и как от этого зависит выбор языка описания? Как связаны между собой названия и описания изображений у различных испытуемых? Какие же признаки используются испытуемыми для описания изображений? Оказалось, что при свободном описании формы чаще и прежде всего используются эмоционально-оценочные свойства (например, приятное, злое, ехидное, веселое и т. д.), затем — непосредственно-чувственные свойства (например, кривое, Прямолинейное, широкое). Характерной чертой всех описаний является большое число эмоционально-оценочных признаков, данных, казалось бы, вовсе не эмоциогенным изображениям, т. е. реже описывались форма изображения, свойства контура, то, что непосредственно относится к изображению на бумаге. И гораздо чаще описывалось отношение к изображению, давалась его эмоциональная оценка. Образ, возникающий в соответствии с изображением, можно было потрогать, увидеть, услышать, почувствовать. Он вызывает приятные или неприятные ощущения, в соответствии с этим хорошее или плохое к нему отношение. Для выяснения того языка (алфавита), с помощью которого испытуемые описывают изображение, все полученные данные свободного описания были распределены нами следующим образом:

- *геометрические признаки* (такие, как многоугольная, развернутая, симметричная, продолговатое и т. п.);
- *признаки действия* (такие, как катящееся, сверкающая, хватающее, текущая и т. п.);
- *признаки оценочно-эмоциональные* (такие, как глупая, страшная, хмурая, доверчивая и т. п.);
- *прямые названия предмета* (такие, как детская одежда, ком снега, ежик, Буратино).

Все признаки сведены в таблицу (подробнее см. Приложение 3).

Таким образом, описывая форму, испытуемые используют большой набор различных признаков. Нам было интересно проследить стратегию описания у разных испытуемых.

Как мы уже говорили в гл. III, при анализе описаний изображений удобно разделять их по типам используемого алфавита: геометрического, когда форма описывается только с помощью геометрических признаков; миметического, когда форма описывается одним или несколькими предметами, которые она напоминает, или же наиболее явными свойствами этих предметов; ассоциативного, когда форма описывается разнообразными свойствами, объединенными общей функцией создания образа на основе предметной формы. В этом случае сугубо зрительный образ превращается в интермодальный.

В дальнейшем обсуждении мы будем придерживаться этого довольно удобного разделения на типы описания. Оказалось, что описания разных испытуемых можно отнести к тому или иному виду алфавита¹.

Заметим, что одно и то же изображение описывается по-разному испытуемыми, использующими различные алфавиты. Например, изображение 1 описывается испытуемым Р. Т. (геометрический алфавит) как «скрещивающаяся, двукрестовая, крестоналоженная, плоская, солнцеобразная лучевая», испытуемым К. Н. (миметический алфавит) — «снежинка, проекция ежа, звезда», испытуемым О. С. (ассоциативный алфавит) — «разнонаправленная, нерешительная, содержащая в себе проблему выбора и что-то неумолимое». Среди наших изображений не было ни одного, которое описывалось бы всеми испытуемыми на одном языке (имеются в виду выделенные условно геометрический, миметический, ассоциативный алфавиты). Но были испытуемые, описывающие все изображения в основном геометрическими свойствами или только при помощи миметического словаря, или используя только ассоциативный язык. Большинство наших испытуемых использовало для описания миметический и ассоциативный алфавиты. Эти различия склонностей испытуемых ведут к принципиальным различиям стратегий описания.

Так, испытуемые, использующие для описания миметический словарь, сначала называют изображение, выделяют для себя объект описания, а потом уже уточняют его свойства. Часто наблюдалась следующая стратегия поведения: испытуемый просто давал несколько названий изображению, не называя вообще его свойства. Например, описание испытуемого К. Н.:

изображение 7 — устройство для открывания бутылок, попугай в цилиндре;

изображение 1 — снежинка, проекция ежа, звезда;

изображение 10 — площадь в городе или бассейн, объединенный кусок чего-то.

Другая стратегия — перечисление свойств предмета.

Например, у испытуемого А. Ш. *изображение 7* — острое, тяжелое, блестящее, кривое. Эти две стратегии могли совмещаться.

Например, у испытуемого Л. С. при описании изображений даются и названия, и признаки одновременно:

изображение 7 — тонкий металл бронзового цвета, похоже на кофейник;

изображение 8 — легкий шелк или какой-то искусственный материал, почти прозрачный, мягкий, нежного тона (розовый, голубой);

изображение 1 — дерево, некрашенное, как на старых мельницах, нетесанное, шершавое, светло-серое.

Объединяет этих испытуемых одно — миметический тип описания.

¹ Типичные примеры свободных описаний приведены в Приложении 3.

Названия изображений у них соответствуют описаниям, и описываемый образ достаточно определен, и устойчив.

Наиболее интересным является ассоциативный язык. Здесь изображение для испытуемого не является чем-то постоянным, неизменным. Ассоциации возникают как бы в процессе описания. «Очевидно, что испытуемый имеет дело не с жестким визуальным образом, а с некоторым интермодальным динамическим образованием, не со свойством, а с пучком свойств, с полем объекта». Описывается как бы не сам объект, изображенный на бумаге, а отношение к нему, настроение, возникающее под влиянием этого изображения.

Характерным примером такого ассоциативного алфавита могут служить описания изображений испытуемой А. К. Вот некоторые из них:

изображение 4 — вызывает ощущение пережженного кофе, неприятна, вызывает иронию;

изображение 7 — азиатская, мечети всякие, Бухара, ущербленная, что-то зловещее;

изображение 9 — нежное, телячье, доверчивое, немного несуразное и придурковатое.

В связи с обсуждением этого типа описания нам кажется интересным понятие **«образного обобщения»**,

о котором говорит О. И. Никифорова (1975).

Образно-словесный процесс — это анализ и обобщение таких особенностей воспринимаемого предмета, которые несущественны для понятия о них, но необходимы для создания образа, для рисования и т. д. В процессе человеческой деятельности происходит не только понятийное, но и образное обобщение предметов и процессов окружающего нас мира.

При восприятии многих предметов одного рода образно обобщаются чувственные особенности (а так же, видимо, и эмоциональные особенности), воплощающие существенные признаки предметов. О. И. Никифорова выделяет *особенности образного обобщения*:

- 1) особо тесная связь их с личностью человека. Оно сильнее воздействует на человека, его чувства, чем понятийное обобщение. В нем ярче проявляется индивидуальность;
- 2) в нем действительность отражена более богато и конкретно, чем в логическом понятии. А это значит, что в нем всегда есть нечто, что не осознается человеком в словах, понятийно, что непосредственно переживается, чувствуется, ощущается. Можно сказать, что при восприятии и образном обобщении сложных и своеобразных предметов не все его элементы осознаются и среди неосознанных часто имеются такие его чувственные особенности, которые человек не может выразить в словах (что часто наблюдалось и у наших испытуемых в процессе описания и названия изображений). Образное обобщение — это своеобразная систематизация чувственных впечатлений от предметов одного рода. И мы предполагаем, что выбор испытуемыми ассоциативного языка при описании формы может являться одним из видов образного обобщения, так как особенности последнего, выделенные О. И. Никифоровой, во многом совпадают с особенностями ассоциативного алфавита при свободном описании формы у различных испытуемых.

Мы уже говорили, что выбор языка описания является некоторой характеристикой испытуемого. Оказывается, что это связано со свойствами «опредмечивания» изображения (в смысле постановки в соответствие изображению реального предмета [3]). В нашем эксперименте испытуемые и называли, и описывали изображения, поэтому можно проследить взаимосвязь описания и опредмечивания изображения.

В случае использования испытуемыми миметического словаря для описания картина

достаточно ясна. Здесь испытуемым сразу определяется объект описания, а затем перечисляются его свойства. Рассмотрим это на примере изображения 1. Так, если это «решетка», то оно — запретное, колючее, мешающее; если это «перекати-поле», то оно — шероховатое, шарообразное, легкое; если это «снежинка», то оно — задумчивое, глубокое; если это «вертушка», то оно — подвижное, летучее и т. д. Таким образом, испытуемый опредмечивает изображение, а затем описывает его в соответствии с этим видимым им предметом.

Гораздо интереснее и сложнее обстоит дело в случае описания изображения с помощью ассоциативного словаря. Здесь, как уже говорилось выше, описывается не опредмеченное изображение, а отношение к нему, то, что переживается, чувствуется испытуемым. И если появляется название изображения, то не в начале описания, а по ходу его, причем оно не всегда бывает жестко-определенным. В этом случае, если сравнивать названия изображений и их описания, то они часто не соответствуют друг другу, а название более визуально, т. е. более соответствует изображению на бумаге, чем описание.

Например:

изображение 4

название — «дятел»,

описание — «вызывает ощущение пережженного кофе, неприятна, вызывает иронию».

изображение 7

название — «горный орел»,

описание — «азиатская, мечети всякие, Бухара, ущербленная, что-то зловещее».

В этом случае испытуемый для описания использует целый ряд свойств изображения, то, что понятийно может быть и не связано, но в комплексе более или менее точно передает то, что воспринимает, глядя на данное изображение, испытуемый.

Нами была составлена таблица, где для каждого испытуемого отмечалось наличие или отсутствие объекта описания и тип словаря, выбранный испытуемым для описания изображения (табл. 3). И здесь еще раз подтверждается справедливость утверждения о том, что, во-первых, тип описания, выбор алфавита зависят не от изображения, а от типа алфавита испытуемого; во-вторых, выбор языка описаний зависит от опредмечивания изображения. Если объект описания для испытуемого четко определен, то алфавит в основном миметический и очень редко ассоциативный. Если объект описания не определен для испытуемого, то всегда язык описания ассоциативный.

Таблица 3

Типы алфавитов, выбранных испытуемыми для описания изображений

В таблице обозначены: в верхней строке каждой клетки наличие (+) или отсутствие (—) объекта описания. Во второй строке — тип описания: а — ассоциативным, м — миметический, г — геометрический.

Испытуемые	Номер изображения							
	1	2	3	4	5	6	7	8
1	—	—	—	—	—	—	—	—
	а	а	а	а	а	а	а	а
2	+	+	+	+	+	+	+	+
	м	м	м	м	м	м	м	м
3	—	—	—	—	—	—	—	—
	а	а	а	а	а	а	а	а

4	+	+	+	+	+	+	+	+
5	-	-	+	+	-	-	-	+ -
6	-	+	-	-	-	-	+	-
7	+	+	+	+	+	+	+	+
8	-	-	-	-	-	-	+	-
9	-	-	-	-	-	-	-	-
10	-	-	-	-	-	+	-	-
11	+	+	+	+	+	+	+	+
12	-	-	+	-	-	-	-	-
13	-	-	-	-	+	-	-	-
14	+	+	-	+	-	+	+	+
15	-	-	-	-	-	-	-	-
	М	М	М	М	М	М	М	М
	а	а	М	М	а	а	а	М
	а	а	а	а	а	а	М	а
	а	а	а	а	а	а	а,	а
	а	а	а	а	а	а	М	а
	а	а	а	а	а	Г	а	а
	М	М	М	М	М	М	М	М
	Г,М	Г	М	Г	а	Г	а,Г	Г
	а	а,	а	а	М	а	а	а
	М	М	а	М	а	М	М	М
	а	а	а	а	а	а	а	а

Семантико-перцептивные универсалии формируются в процессе накопления субъективного опыта, делая восприятие более экономным. Естественно, их содержание и особенности связаны с характером личного опыта, с условиями жизни и деятельности индивида. Поэтому к их характеристике следует добавить еще то, что они сходны у определенных групп испытуемых и различаются в зависимости от того, к какой этнографической или профессиональной группе относится каждый данный человек. Поскольку восприятие зависит от структуры субъективного опыта, индивидуального видения мира, оно в первую очередь должно зависеть от профессиональной направленности человека. Например, у художников может сформироваться несколько способов восприятия. Умение выработать и фиксировать различные позиции наблюдения, вероятно, представляет существенную составляющую способности к изобразительному творчеству.

Г. А. Урунтаевой была предпринята попытка описания типологии семантико-перцептивных универсалий у двух различных профессиональных групп. Испытуемыми были студенты музыкального училища и студенты художественно-графического факультета. Были выявлены существенные различия типов описания использованных признаков у этих двух групп. Как пишет автор, студенты художественно-графического факультета используют в основном ассоциативный словарь в комбинации с миметическим, реже с геометрическим. Студенты музыкального училища в основном используют геометрический и миметическим словари.

Мы использовали эти результаты для обобщения и сравнения с нашими. Условно все

признаки, используемые испытуемыми при свободном описании графического изображения, были нами объединены в следующие группы: одна группа — геометрические и предметные признаки (такие, как крестоподобное, серповидное, плоское и т. п.); вторая группа — признаки, характеризующие действие, непосредственно-чувственные и оценочно-эмоциональные признаки (такие, как смешная, трусливая, искрящаяся и т. п.). Такое разделение соответствует типам описания: первая группа — геометрическому и миметическому алфавитам; вторая — ассоциативному алфавиту.

Было подсчитано соотношение различных типов описаний у разных групп испытуемых (в процентах). Это соотношение таково: для студентов МГУ (психологического, экономического, физического и химического факультетов — всего 21 человек) доля геометрических и предметных признаков была равна 30%, а признаков действия, непосредственно-чувственных, эмоционально-оценочных — 70%; для студентов художественно-графической специальности эти доли оказались равными соответственно 32 и 68 %; Для студентов музыкального училища (23 человека) — 57 и 43%; для архитекторов (20 человек) — 23 и 77%.

Оказалось, что в различных группах соотношение используемых признаков различное. Особенно заметно отличается от других групп группа студентов музыкального училища. Здесь, в отличие от остальных, количество геометрических и предметных признаков превосходит количество непосредственно-чувственных и оценочно-эмоциональных признаков. Этот факт еще раз подтверждает зависимость некоторых особенностей восприятия от субъективного опыта, от индивидуальных особенностей жизни и деятельности человека, в частности от его профессии.

Во второй серии наших экспериментов испытуемым предлагалось оценить изображения по 16 шкалам типа Осгуда, а затем сделать то же самое с названиями изображений. В третьей серии, которая проводилась через два года, участвовали те же испытуемые, что и в первой и второй сериях. Им предлагалось шкалировать собственные названия и описания изображений.

В результате для каждого испытуемого были получены: шкалирование самих изображений, шкалирование названий изображений, шкалирование названий изображений через два года, шкалирование описаний изображений через два года.

Затем было сделано попарное сравнение четырех шкалирований — всего 6 сравнений для каждого испытуемого:

1-е сравнение — шкалирование изображений и их названий;

2-е сравнение — шкалирование названий изображений и этих же названий через 2 года;

3-е сравнение — шкалирование самих изображений и их описаний;

4-е сравнение — шкалирование названий и описаний через 2 года;

5-е сравнение — шкалирование изображений и названий через 2 года;

6-е сравнение — шкалирование описаний через 2 года и названий изображений.

Далее было подсчитано число сохранных шкал для каждого изображения в каждом из шести сравнений у каждого испытуемого. Мы получили результаты, представленные в табл. 4.

Таблица 4

Число совпадающих шкал для различных пар типов шкалирования (сравнений)

Сравниваемые	Испытуемые
--------------	------------

типы шкалирования	А. К.	Н. Ч.	К Ф	г. п.	А. А.
Изображение — название	8	15	12	14	15
Изображение — описание	11	14	13	12	12
Название — описание	10	13	9	10	13

Примечание. На пересечении строки и столбца указано число совпадающих шкал для сравнения, соответствующего строке, и испытуемого, соответствующего столбцу (в среднем на изображение).

Ранее описания испытуемых были условно отнесены к тому или иному типу алфавитов. Испытуемые А. К. и К- Ф. — ассоциативный тип описания; испытуемые Н. Ч. и Г. П. — миметический тип описания; испытуемый А. А. — смешанный тип описания (ближе к миметическому типу). С помощью сравнения шкалирований мы еще раз как бы косвенно проверили принадлежность испытуемых к тому или иному типу описания.

Так, например, для испытуемого А. К. (ассоциативный алфавит) наибольшее число сохранных шкал оказалось при сравнении шкалирования изображений и их описаний. Таким образом, можно предположить, что описание изображения (причем описание ассоциативного типа) является для данного испытуемого наиболее продуктивным в процессе восприятия самого изображения и более продуктивным, чем название изображения, т. к. если поставить ранги для средних чисел сохранных шкал,

Таблица 5

Ранговые оценки совпадения шкал для различных пар типов шкалирования

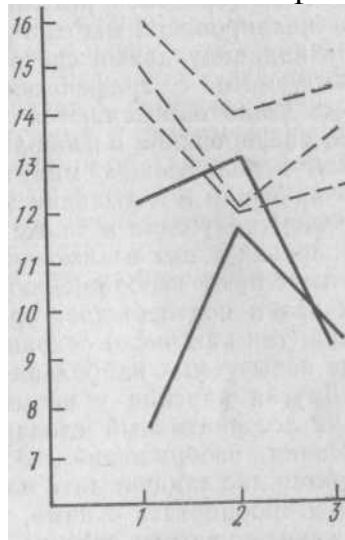
Сравниваемые типы шкалирования	Испытуемые				
	А. К.	н. ч.	К. Ф.	Г. П.	А. А.
Изображение — название	1	3	2	3	3
Изображение — описание	3	2	3	2	1
Название — описание	2	1	1	1	2

то окажется, что для сравнения «изображение — название» — это будет 1, а для сравнения «изображение — описание» — это будет 3. В табл. 5 представлены эти сведения о рангах. Рассмотрим график, соответствующий табл. 4 (рис. 5). На нем отмечено число сохранных шкал при различных сравнениях. Наглядно представлено большее число сохранных шкал у испытуемых, использующих миметический и смешанный словари, чем у испытуемых с ассоциативным типом описаний, т. е. испытуемые достаточно одинаково оценивают изображения и в названиях, и в описаниях. А наиболее точным и продуктивным способом квалификации изображения является его называние, так как наибольшее число сохранных шкал имеет место при сравнении «изображение — название».

Рис. 5.

График числа сохранных шкал при сравнениях: 1 — «изображения — название», 2 — «изображение — описание», 3 — «описание — название». По горизонтальной оси — номер сравнения, по вертикали — число сохранных шкал. Сплошная линия — испытуемые с ассоциативным алфавитом, пунктирная линия — испытуемые с

миметическим алфавитом

Для ассоциативного типа описаний количество сохранных шкал меньше — это и понятно, ведь для испытуемых этого типа, как уже обсуждалось выше, нет определенного образа при описании. Чаще всего это набор различных ассоциаций, отражающих настроение испытуемого, его личное отношение к изображению. А, как известно, настроение непостоянно и может довольно часто изменяться. Тем не менее наибольшее число сохранных шкал для испытуемых с ассоциативным типом описания оказывается в сравнении «изображение — описание», так как именно описание всех «сторон и качеств» изображения, всех его отдельных особенностей, а не название изображения, фиксированное и однозначное, является для этих испытуемых «лучшим помощником» восприятия графического изображения.

Таким образом, в результате сравнения типов шкалирований мы еще раз можем проследить индивидуальный способ работы каждого испытуемого с графическим изображением. Здесь четко определяются два основных способа оперирования с изображением. У испытуемых, использующих миметический алфавит, при описании и назывании изображения субъективно стоит одна и та же задача. Названия и описания у них взаимосвязаны и однозначно соответствуют изображению на бумаге. Это как раз и подтверждает сравнение шкалирований, так как число сохранных шкал у этого типа испытуемых наибольшее.

Другая картина у испытуемых, использующих ассоциативный словарь при свободном описании изображений. Здесь субъективно ставятся две задачи: дать название изображению и «поработать с ним», т. е. оценить изображение «с разных сторон» при помощи таких определений, которые бы наиболее точно передали их отношение к этому изображению. И поскольку эти две задачи различаются между собой, соответственно уменьшается и количество сохранных шкал в сравнениях.

Таким образом, у различных испытуемых — разные стратегии описания изображения. Типы описания условно можно разделить на миметический и ассоциативный, что согласуется с другими литературными данными. Выбор языка описания больше связан с особенностями испытуемого, чем с особенностями изображения, и зависит от выделения испытуемым объекта описания.

У испытуемых с миметическим алфавитом стратегии называний и описаний взаимосвязаны; у испытуемых с ассоциативным алфавитом между называнием и описанием изображения нет прямой связи. Выделяются два основных способа оперирования с графическим изображением: у испытуемых с миметическим алфавитом при назывании и описании изображения субъективно ставится одна и та же задача; у испытуемых с ассоциативным алфавитом при назывании и описании изображений

субъективно ставятся две разные задачи.

Глава V

Манипулятивный профиль испытуемого

В главе IV мы говорили о том, что типологические особенности описания изображений по методике свободных описаний могут быть обсуждены в терминах особенностей принятия задачи (понимания инструкции «описать» и «назвать» изображения) и способов видения, удержания объекта при работе с ним (способом манипулирования с объектом, выбором формы его внутренней репрезентации). Дальнейшее обсуждение типологий перцептивных универсалий формы и стратегий их порождения будет идти по пути поиска коррелятов этих типологических свойств среди других операциональных особенностей субъекта. Основанием для таких поисков является представление о единстве операционного статуса субъекта, об эвристическом единстве таких качеств, как активность, свойства структурирования, симультанность, семантическое богатство продукта. Полагается, что принятие задачи субъектом определяется влиянием субъективных структур опыта (когнитивных, содержательных структур, так сказать «знанием») и свойствами принятия задач вообще (функциональных структур — «оперированием»). Понятно, что, входя в единство, эти структуры влияют друг на друга, и, скажем, то, *как мы манипулируем с объектом, зависит от того, что мы о нем знаем*. Здесь же мы хотели бы обсудить, как то, *что мы знаем* (хотим знать) об объекте, *зависит от того, как мы с объектами манипулируем*. Понятно при этом, что совсем различные аспекты этой зависимости выделяются при исследовании и таких свойств, как «активность», «включенность в деятельность», «позиция», и конкретных особенностей манипулирования (алгоритмов, механизмов).

Первая ветвь исследования манипулятивных свойств связана с понятием стиля субъекта («экспрессивного стиля» (Олпорт, 1937), познавательного стиля (Виткин, 1954; Клайн, 1970) и т. д. Наиболее удобным для нас является понятие стиля деятельности. Под стилем деятельности в советской психологии (см., например, обзор Е. Т. Соколовой, 1976) понимается инвариантная структура способов достижения целей, произведенная от иерархической системы личностных смыслов. Одной из важнейших характеристик такой структуры, естественно, является свойство включаемости или невключаемости в деятельность, мера активности принятия задачи. Проследим некоторые проекции этого свойства, проявляемого при выполнении задания описания формы, на деятельность, также связанную с необходимостью актуализации структур опыта субъекта, но отличающуюся от описания форм по содержанию. Для этого обсудим и представим в несколько иной форме данные экспериментов, описанных Е. В. Юрченко (Юрченко, 1977). В эксперименте участвовали 20 испытуемых в возрасте от 22 до 27 лет, ранее не участвовавших в подобных опытах. Материалом служили те же 8 карточек с изображением (Приложение 1), что и в основных, описанных ранее экспериментальных сериях. Испытуемому предъявлялся весь набор картинок, который он сразу классифицировал на «интересные» и «неинтересные», а затем описывал их — сначала «интересные», а потом «неинтересные». Причем при описании испытуемого просили сначала дать «определение» каждой фигуре так, чтобы это определение отвечало на вопрос «какая?» (число определений не ограничивалось). После описания всех изображений испытуемый должен был «назвать» фигуры, используя для названия существительные.

Из протоколов экспериментов можно было увидеть, что для описания изображения испытуемые, как и в ранее описанных сериях, используют самые различные прилагательные: нам важно указать здесь, что они могут быть и совсем конкретными,

принципиально экспертируемыми свойствами предметов (например, «твердый»), и абстрактными определениями (например, «интегральный»). Разные испытуемые реализуют разный арсенал понятий: у одних преобладают определения конкретно-стандартного типа, у других — абстрактно-нестандартного. Различия в количестве и структуре описаний «интересных» и «неинтересных» изображений также неодинаковы для различных испытуемых.

Метод обработки результатов был следующим. Протокол эксперимента трансформировался в матрицу, по столбцам которой отмечалось свойство названия быть предметом, явлением или объектом, абстрактным понятием, а по строкам — атрибутивным определением, определением — оценкой, нестандартным определением.

В столбец «предмет» заносились изображения, обозначаемые как конкретный предмет (например, «снежинка», «халат», «кувшин»), во второй столбец (явление, объект) — категории, употребляемые для обозначения объектов или явлений, характеризующиеся более сложным содержанием, предполагающие элемент абстракции (например, «мерцание», «черт»); в третий столбец — абстрактные понятия, прямо не соотносимые с визуальными паттернами (например, «бесконечность», «одиночество», «алгоритм»). В строках матрицы — определительный индекс изображений, относящихся к данной строке. При этом разбиение по строкам проводилось следующим образом: атрибутивными суждениями считались те, которые отражают свойства объекта («мерцание—мигающее»; мигание есть свойство мерцания), оценочными — суждения типа «медвежонок — ласковый, красивый», нестандартными — определения типа «звезда — самодовольная». Был введен определительный индекс, который строился следующим способом: каждой строке был присвоен условный порядок: «атрибутивное определение» имело порядок 3, «оценка» — 2, «нестандартное определение» — 1; число определений каждого типа, предложенных по данному изображению, умножалось на порядок, суммировалось по всем типам и делилось на общее число определений изображения. Таким образом получали средний порядок описания изображения.

Изображение объявляется имеющим определительный индекс 1 (т. е. «нестандартным определением»), если средний порядок его описания заключен между значениями 1—1,5; определительный индекс равен 2, если средний порядок находится в интервале 1,6—2,5; определительный индекс равен 3 (изображение атрибутивно определено), если средний порядок находится в интервале 2,6—3.

Естественно считать, что «активность» (включенность испытуемого в акт принятия экспериментальной задачи) возрастает от класса предметных категорий к классу абстрактных понятий, от класса атрибутивных определений к классу нестандартных определений. Такое понимание активности, как поиска оригинальных ассоциаций, связей является достаточно распространенным в современной патопсихологии и психиатрии (Блейхер, 1976).

Обработка таблиц велась следующим образом. Таблица делилась пополам диагональю из левого нижнего угла в правый верхний. Все ответы, находящиеся под Диагональю, объявлялись «активными», над диагональю — «пассивными», а попавшие в диагональные ячейки делились поровну между первыми и вторыми.

Условная классификация испытуемых проводилась так: если испытуемый давал более 50% «активных» ответов, он объявлялся «активным», если менее 50% — «пассивным» в отношении к предъявляемой задаче. Все 20 испытуемых численно разделились по группам так: 11 человек — «пассивные», 2 человека — «нейтральные» (одинаковое число ответов обоих типов), 7 человек — «активные».

Содержательное отличие описаний «активных» и «пассивных» испытуемых можно уви-

дети из примера:

I Активный тип

Интересные *Неинтересные*
изображения *изображения*

6 Одаренность **1. Вершина**
резкая далекая
прямолинейная непонятная
бесхитростная неприступная
целеустремленн
ая

3 Надежда **2. Размазня**
солнечная ленивая
сияющая неуклюжая
подбадривающа инертная
я светлая нездоровая

4 Ограниченност **5. Старая**
ь **калоша**
пассивная вульгарная
равнодушная грубая
довольная примитивная
сытая

7 Жизнь **8. Едкость**
замкнутая резвая
быстротечная энергичная
предостерегаю подвижная
щая грустная кислая
минорная

II Пассивный тип

Интересные *Неинтересные*
изображения *изображения*

2 Звезда **1. Снежинка**
расплывчатая белая холодная
остроконечная

3 Профиль **4. Секира**
мужской **5. Пятно**
остроносый **6. Элемент**
 выкройки
7.
Многоугольни
к 8. Круг

Отметим также, что испытуемые активного типа давали в среднем 5 описаний на изображение, испытуемые пассивного типа—около 3. Различие между продуктивностью описаний «интересных» и «неинтересных» изображений у активных испытуемых 5,5 на «интересное» изображение и 4 на «неинтересное», для пассивных — 3,5 на «интересное», 1,5 — на «неинтересное».

Испытуемые пассивной группы, описывая форму, всегда искали сходство изображения с каким-либо предметом, хотя по инструкции вначале требовалось только описать изображение. В своих субъективных отчетах испытуемые отмечали, что даже не называя

предмета, на который похоже изображение, они все равно мысленно опираются на это сходство при описании. В ряде случаев испытуемые отказались описывать изображение, а только давали название. Видимо, есть смысл говорить здесь об ассоциативном «прилипании», трудности отторжения от конкретного объекта манипулирования. Испытуемые же активного типа, наоборот, называли изображение, опираясь на те свойства, которые они ему приписали первоначально, до названия изображения. Эти испытуемые, возможно, актуализируют сразу истинные координаты самого изображения, а не ассоцианта-заместителя, т. е. структуры интермодальные и «интерпредметные». Если это так, то люди, принадлежащие к этой группе, должны обладать большей симультанностью и динамичностью всех манипуляций.

Вторая экспериментальная серия, проведенная с этими же испытуемыми, включала их в деятельность, схожую по манипулятивной задаче, но отличную по содержанию. Использовался материал методики Розенцвейга (Розенцвейг, 1947): 24 рисунка, на которых изображены люди, находящиеся во фрустрационной ситуации. Одно из действующих лиц говорит некоторые слова другому, ответ которого не приводится. Испытуемому вручают серию рисунков и предлагают инструкцию:

«На каждом из рисунков изображены два человека (или более). Один из них всегда показан говорящим определенные слова другому. От Вас требуется написать в пустом квадрате первый же пришедший Вам на ум ответ на эти слова. Не старайтесь отделаться шуткой. Работайте по возможности быстрее».

Ответы-реакции классифицировались обычным способом по направленности (экстрапунитивные — реакция направлена на окружение, осуждается внешняя причина фрустрации или обязанность разрешить ситуацию вменяется некоторому лицу, интрапунитивные — испытуемый берет на себя обязанность разрешить ситуацию, импунитивные — ситуация рассматривается как не требующая разрешения или «ношение к ней не высказывается») и по типу реакцией. Рассматривались обычные для моей методики типы реакций: препятственно-доминантный (О—Д) — на первый план выдвигается само препятствие, испытуемый, оценивая ситуацию, застревают на ней; самозащитный (Е—Д) — внимание концентрируется на агрессивном порицании; необходимо-упорствующий (N—P) — ответ направлен на разрешение ситуации. Произведем (независимо от результатов первого эксперимента!) новое разбиение испытуемых на «пассивных» и «активных». Назовем «активными» тех, у которых преобладают реакции типа N—P, «пассивными» — лиц с преобладанием реакций О—Д. Реакции типа Е—Д (агрессия) рассматривать не будем в силу многозначности ее факторов. При таком разбиении оказалось, что в группу «активных» автоматически вошли те, у кого интрапунитивные реакции преобладают над другими реакциями, а в группу «пассивных» — лица с обратным соотношением (табл. 6), т. е. оказалось,

Таблица 6
Распределение (в процентах) реакций разного типа у «активных» и пассивных» испытуемых (в методике Розенцвейга)

Группа	Тип реакции N—P	Тип реакции O-D	Доля интрапунитивных ответов
«Активные»	36	21	40
«Пассивны	21	42	23

е»			
----	--	--	--

что «активный» субъект не только стремится найти выход из конфликтной ситуации, но и сам берется разрешить ее. Проанализировав ответы «активных» и «пассивных» субъектов, Е. В. Юрченко (1977) предложила модели усредненных ответов, так сказать, парадигм отношения в следующем виде:

«активные» — «я беру ответственность за разрешение ситуации на себя»;
«пассивные» — «эта ситуация меня определенно беспокоит», или «эта ситуация не имеет никакого значения».

Сопоставим теперь списки испытуемых группы «активных» и «пассивных» для первого эксперимента и одноименных групп для второго эксперимента. Один «активный» в первом эксперименте субъект проявил себя «пассивным» во втором, и, наоборот, один из «пассивных» перешел в «активные». Заметим, правда, что оба этих испытуемых имели особо высокий (большой, чем у любого другого испытуемого) процент аффективно-агрессивных реакций типа Е—Д (73 и 60%). Видимо, это и затрудняло их квалификацию по нашим критериям: напомним, что мы исключали из рассмотрения Е—Д-реакции. Один из «нейтральных» оказался во второй серии «активным», другой — «пассивным», но оба они отнюдь не попали в подгруппы «крайне активных» или «крайне пассивных». Остальные 16 испытуемых остались на своих местах. Это нельзя не считать достаточно сильным подтверждением единства свойств, названных «активностью» в первом и во втором эксперименте. Лица, работающие при опознании форм с интермодальными признаками объекта, не нуждающиеся в замещении объекта конкретизирующим предметом, способные «отойти» от объекта, — это лица, активно относящиеся к ситуации, берущие на себя ее разрешение.

Уж очень заманчивой кажется возможность сопоставить особенности работы с перцептивным материалом и особенности принятия ситуации — трудно отказаться от того, чтобы привести некоторые примеры. Рассмотрим свободные описания, предложенные испытуемыми, не принадлежащими к резко альтернативным типам: испытуемая К. С. входит, по методике Розенцвейга, в группу «активных», но близка к нейтральным; испытуемая Л. И. входит в группу «пассивных», но также не принадлежит к крайнему типу. Обе испытуемые стремятся разрешить ситуацию, но испытуемая К. С. делает это чаще и берет разрешение на себя, испытуемая же Л. И. от разрешения ситуации своими усилиями отказывается. Вот часть их свободных описаний:

<i>к. с.</i>	<i>Л. И.</i>
1) лучистое	веерообразное
правильное	гармоничное
четкое	<i>перекресток</i>
	<i>дороги</i>
безгрешное	
понятное	
<i>лучи</i> ¹	
2) колючее	нестабильное
мерцающее	вязкая
неустойчивое	приплюснутая
<i>мерцание</i>	<i>медуза</i>
3) устремленное	подвижное
подвижное	энергичное

¹ Курсивом выделены названия изображений.

обтекаемое	<i>кукла-черт</i>
устойчивое	
«Бегущая»	
5) расплывчатое	незаконченное
неинтеллигентн	нелепое
ое	
тяп-ляп	заброшенное
<i>мягкость</i>	<i>клок</i>
	<i>пластилина</i>

Остается только удивляться тому, как резко отличаются по степени конкретности названия, соответствующие близким спискам свойств. Мы можем убедиться еще раз, что инвариантность объекта в системе его актуальных координат не означает тождество образных реальностей, с которыми работает испытуемый. Это дает удобный повод для высказывания острого сомнения в правоте основного тезиса когнитивной психологии: «знания определяют все», очевидно, не только знания.

Другая экспериментальная ветвь исследования манипулятивных свойств была связана с изучением свойств, которые тоже могут быть названы «активностью», но апеллируют скорее не к включенности в деятельность, а к особенностям формирования собственно-когнитивных структур, к свойствам типа «симультанность», «гибкость» и т. д. Хотя, конечно, разрывать эти стороны «активности» достаточно неблагодарное занятие: они тесно сплетены в единстве функционального и содержательного.

Гипотеза, предвещающая данное экспериментальное исследование¹, заключалась в следующем: память и восприятие — тесно взаимосвязанные психические процессы, имеющие общий радикал — определенным образом организованный субъективный опыт. В качестве способа изучения субъективного опыта применялся анализ семантико-перцептивных универсалий.

Краткое содержание экспериментов состояло в следующем: испытуемым предъявлялись для непосредственного запоминания ряд из 10 не связанных между собой слов, для опосредствованного запоминания (по методу пиктограмм) — 20 слов; для вербального описания и классификации предлагался набор из 8 контурных изображений, представлявших собой деформированный произвольным образом круг; для свободного рисования предлагалось - 12 кружочков.

Кроме того, был проведен ряд экспертных серий: оценка оригинальности называния, классификаций и рисунков; оценка активности использования пространства при рисовании и соотнесение полученных рисунков-знаков с соответствующим списком слов.

В результате анализа полученных данных была отмечена тесная связь продуктивности запоминания и особенностей восприятия. В группе, условно обозначенной нами как 1, была получена наиболее высокая продуктивность запоминания (непосредственного и опосредствованного). В то же время относительный прирост во втором случае был менее выражен по сравнению с испытуемыми двух других групп. Характер воспроизведения ряда отличался тем, что он по-своему организовывался в определенные группы, либо же, как потом выяснялось из беседы, испытуемые «расставляли» предъявляемые слова по мебели в своей квартире, переходя из комнаты в комнату, т. е. эта группа испытуемых всегда активно работает с материалом, последний включается в сформированную ранее систему субъективного опыта. Этим объясняется как высокая продуктивность в непосредственном запоминании, так и относительно небольшой прирост при внешнем

¹ Работа выполнялась совместно с А. П. Шипицыной.

опосредствовании: при наличии соответствующей инструкции или без нее описываемые испытуемые опосредствуют предлагаемый им материал.

Такой привычный способ работы является, с одной стороны, следствием богатства семантико-перцептивных универсалий этих испытуемых, результатом хорошей организации и опыта, а с другой — и причиной этого богатства, т. к., конечно, такая работа не исчезает, связи продолжают постоянно возникать и разветвляться.

Такой характер семантико-перцептивных универсалий должен проявляться и при выполнении других перцептивных заданий. И действительно, при вербальном описании изображений эти испытуемые дают меньше одинаковых названий, продуктивность продуцирования различных способов названия и классификации выше, неоригинальные названия встречаются в два раза реже, чем в группе с низким показателем продуктивности непосредственного запоминания, т. е. связи в структуре семантико-перцептивных универсалий у данных испытуемых своеобразнее и разностороннее. В таблице 7 представлены сведения о продуктивности названия изображений и степени оригинальности названий у испытуемых, разделенных на группы по продуктивности запоминания.

Таблица 7

Связь продуктивности названия изображений и оригинальности названий

№ группы	Среднее число продуцированных названий на испытуемого	Процент одинаковых названий в группе	Процент стандартных («неоригинальных») названий
I	64	19	29
II	65	20	50
III	43	24	60

Номер группы соответствует определенному в тексте: I группа — наиболее продуктивное запоминание и т. д. В опытах принимали участие 20 человек.

Качественная характеристика названий изображений позволяет отметить, что испытуемые I и II групп довольно часто пользуются специальными стратегиями, не наблюдаемыми у испытуемых III группы.

Речь идет о стратегиях, когда предъявленное изображение выступает для испытуемого в качестве знака, и через него опосредствованно устанавливается связь с активным носителем, оставшимся за сценой. Например, фигура 1 (см. Приложение 1) называется «пауком» (видимо, «паутина» ассоциируется с ее создателем), фигура 6 — «неудачной портнихой», фигура 2 — «звездочетом». Другая стратегия состоит в достраивании объекта: фигура 1 — «спицы от колеса», фигура 7 — «ворона с сыром». Напоминаем еще раз, что испытуемые III группы никогда не предлагают таких названий.

При высокой развитости субъективных структур опыта, при наличии большого разнообразия связей и ассоциаций, естественно было бы ожидать, что при опосредствовании испытуемые I и II групп легче смогут подобрать наиболее подходящие и адекватные знаки для предлагаемых слов. А это, в свою очередь, должно иметь два последствия. Во-первых, испытуемые I группы сами должны лучше вспоминать слова-стимулы (что действительно имело место). Во-вторых (и это более сильный довод), испытуемым-экспертам проще соотнести знаки этих испытуемых с соответствующим списком слов.

Второе предположение также, вполне подтвердилось полученными результатами. Как видно, возможности испытуемых, имеющих более разные семантико-перцептивные универсалии, значительно богаче при участии в знаковых коммуникациях по крайней мере в качестве индуктора информации. Следует заметить, что и при классификации эти испытуемые обычно использовали более отвлеченные, опосредствованные основания для выделения групп, часто объединяли их по ситуациям и гораздо реже (в отличие от испытуемых III группы — с наиболее низкой продуктивностью непосредственного запоминания) использовали при этом такие непосредственно видимые признаки, как симметричность фигур.

Таким образом, судя по полученным результатам, о типологии семантико-перцептивных универсалий можно судить не только по их содержанию (что определяется этнографической, профессиональной принадлежностью в большей своей части), но и по степени развитости, богатства межмодальных связей, ассоциаций. Выделенные по результативности запоминания группы различались по ряду признаков, в частности по такому параметру, как «активность». Обсудим эту связь несколько подробнее.

Уже в самом характере работы при непосредственном запоминании группа испытуемых выделялась тем, что здесь никогда в последующем воспроизведении продуктивность не была ниже, чем в предыдущем; не было случаев, чтобы одно и то же слово не воспроизводилось дважды подряд. Наоборот, воспроизведение обычно начиналось со слова, упущенного в предыдущий раз. Все эти факты свидетельствуют в пользу того, что данная группа испытуемых выделяется более активным отношением к выполнению задания. Таким образом уже по характеру заучивания, по гибкости тактики, или ее ригидности, можно судить о том, насколько активно перерабатывается данным испытуемым предлагаемый материал.

Кроме того, у данных испытуемых более выражен поиск новых ассоциаций, нередко они давали конструктивные, достраивающие или «опосредствованные» названия. И наконец, они активнее в совершенно иной перцептивной задаче — в рисовании: в подавляющем большинстве случаев ими максимально используется все предоставляемое пространство; часто рисунок даже выходит за рамки кружка, и последний становится его составной частью.

Экспериментальная серия с рисованием (в ней приняло участие 18 человек) была построена следующим образом: испытуемым предлагался лист бумаги с нанесенными на нем кружочками одинаковых размеров (число кружочков равнялось 12). Инструкция была такова: «Вам даны 12 кружочков, которые Вы должны заполнить любыми рисунками. Тематика никак не ограничивается». После того как рисунки испытуемых были собраны, группе новых испытуемых-экспертов было предложено оценить рисунки по оригинальности (по трехбалльной системе), а затем классифицировать все заполненные испытуемыми кружочки на 4 группы:

- 1) полностью заполненные кружочки, являющиеся частью сюжета;
- 2) полностью заполненные кружочки, где рисунок как бы заключен в рамку;
- 3) достаточно заполненные кружочки, не создающие ощущения пустоты;
- 4) малозаполненные, выглядящие полупустыми кружочки.

Примеры рисунков, относящихся к разным группам, приведены на рис. 6. В табл. 8 представлены результаты этой серии по активности заполнения пространства и распределению числа оригинальных и неоригинальных рисунков (в этой графе объединены результаты рисования в этой серии и серии пиктограмм). Как видно, группы I и III резко различаются по числу рисунков I типа и по числу неоригинальных рисунков.

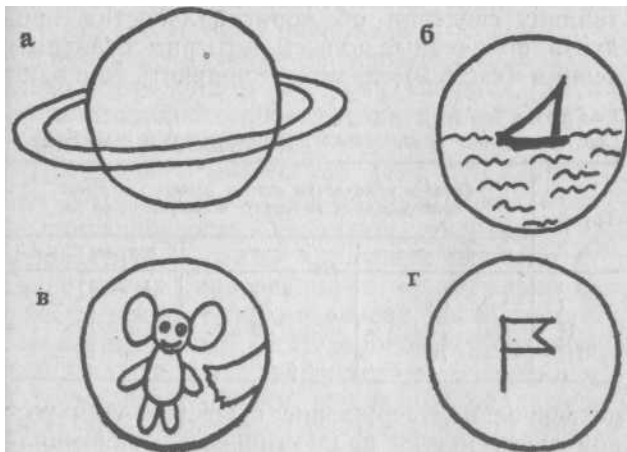

Рис. 6. Типы заполнения кружков (а, б, в, г.)

Таблица 8

Продуктивность и оригинальность выполнения рисунков

Группа	Среднее число рисунков на одного испытуемого						
	I тип а	II тип а	III тип а	IV тип а	Оригинальных	Средних	Неоригинальных
I	2,5	2,5	3	4	3	9	7
II	2	3,5	2	4,5	3	8	8
III	1,5	1,5	0,5	9	3	5	11

Таблица 9

Сводная оценка оригинальности продукта испытуемых

Группа	Среднее количество оценок разных категорий, приходящихся на одного испытуемого (в %)		
	неоригинальных	средних	оригинальных
I	63	20	17
II	74	9	17
III	70	20	10

Если сделать не слишком «законный», но логически оправданный шаг и свести в общую таблицу сведения об «оригинальности» продукта», полученные по всем экспериментальным сериям (табл. 9), то можно получить еще одно косвенное подтверждение существования тесной связи между продуктивностью запоминания и «оригинальностью» порождаемого продукта. Отметим, кстати, одну методическую особенность нашего анализа: во всех экспериментальных сериях сравнивалось не число «оригинальных» (оно могло быть практически одинаковым для всех групп), а число стандартных ответов. Это как раз и подчеркивает то, что дело не в том, может или не может испытуемый породить оригинальный продукт, а в том, сколь часто он

выключается из активной деятельности, работая по стереотипам.

Итак, продуктивность запоминания тесно коррелирует с уровнем активности как способа работы при выполнении различных перцептивных задач. В основе этой связи лежит развитость семантико-перцептивных универсалий. В описываемых экспериментах изучались типологические различия испытуемых еще по одному параметру, условно обозначенному здесь как «оригинальность». Нестандартность продукта испытуемых оценивалась неоднократно, причем испытуемые-эксперты были поразительно единодушны в своих оценках, хотя формализованного определения данного параметра им не задавалось.

Интересно отметить тот факт, что испытуемые I группы получили более высокий балл за оригинальность названий, рисунков, и, следовательно, связь характера семантико-перцептивных универсалий и оригинальности проявляется не только в описанных заданиях. В экспериментах Л. С. Назаровой испытуемым предлагалось дать графическую ассоциацию на те же изображения, что использовались в наших экспериментах. Оказалось, что те испытуемые, которые тонко чувствуют форму, более совершенно и дифференцированно могут связать в единый образ ряд признаков разных модальностей, т.е. у кого более развиты и совершенны семантико-перцептивные универсалии, Дают более оригинальные рисунки-ассоциации. В заключение можно сказать, что в данной работе была экспериментально подтверждена тесная зависимость продуктивности запоминания и некоторых особенностей формовосприятия, т. е. процессы запоминания и восприятия имеют нечто общее, а именно способ структурирования предъявленного материала, который реализуется в формировании и функционировании системы перцептивных универсалий.

Типологизация по продуктивности запоминания, активности отношения к предъявляемому содержанию перцептивной задачи, по нестандартности ответов совпадает. Это говорит о возможности рассмотрения единого эвристического статуса испытуемого, а также позволяет ввести понятие типа семантико-перцептивных универсалий. Об их типе можно судить по следующему комплексу признаков: особенностям структурирования воспринимаемого материала, продуктивности непосредственного и опосредствованного запоминания, характеру называния контуров (стандартность, продуктивность), способам классификации (преимущественное использование признаков того или иного уровня), легкости и адекватности опосредствования, активности поиска ассоциаций, решений, используя пространства, оригинальности решений в разных перцептивных задачах. Таким образом, установлено существование связи между богатством интеллектуального продукта и качеством запоминания. И то и другое, очевидно, связано с мерой оптимальности способов структурирования перцептивного и другого материала, с мерой simultанности работы с некоторыми кодовыми системами. Важно, что это не просто терминологические соответствия. При обсуждаемом подходе соединяются понятия собственно-манипулятивных свойств (порождения, структурирования) и формы хранения информации о мире, структур субъективного опыта. Здесь же возникает и возможность конструктивного понимания оригинальности как глубины отслойки от прямых оценок, в простом случае длины цепочки ассоциаций.

Глава VI

Патология актуальных структур

В этой главе мы обсудим некоторые экспериментальные разведки применения методик исследования формирования и актуализации структур субъективного опыта в клинике

вокальных поражений мозга. Обсуждение результатов применения этих методик в патологии представляет двойной интерес: с одной стороны, возможно обогащение арсенала клинических методик, с другой стороны, продвижение в понимании формирования субъективных структур опыта в норме.

Что касается первого направления, то можно сразу же указать несколько ответвлений этого пути. Во-первых, все методики описания актуальных координат формы связаны с тем моментом процесса, когда экспериментальная задача принимается субъектом. Поэтому все аномалии, связанные с включением в задание, должны ярко диагностироваться этими методиками. В частности, они должны достаточно чутко реагировать на проявления патологической инертности. Во-вторых, знание нормального устройства системы актуальных координат (например, сведения о ведущей роли эмоционально-оценочных признаков) может разделить неразличимые на первый взгляд нарушения гнозиса вследствие нарушений отношения к объекту и вследствие аномалии психотехники собственно гнозиса. В-третьих, наблюдение аномалий манипулирования с объектом может дать полезную информацию для уточнения представлений о структуре нарушений при локальных поражениях мозга. Особенно полезным было бы создание подобных клинических методик для изучения структуры нарушений при поражениях передних отделов мозга для тех случаев, когда начинают отказывать методики, адресованные к диагностике модально-специфических нарушений. Теоретическим основанием для таких надежд является понимание лобного синдрома как синдрома, связанного с нарушением психологического, а не психотехнического уровня, т. е. с нарушением организации деятельности, а не частных ее механизмов (Лурия, 1963; Артемьева, Баймишева, 1976).

Обратимся же к клиническим наблюдениям. Сразу оговорим, что это почти всегда именно отдельные наблюдения, а не направленные исследования. Тем не менее, на наш взгляд, и эти отдельные наблюдения вселяют некоторую надежду на возможность превращения методик о выяснении актуальных координат формы в клинические, диагностические методики.

Больным с поражением передних отделов головного мозга предлагалась обычная процедура основного эксперимента по шкалированию изображений (см. Приложение 2). Всего было исследовано около 40 больных. Логика результатов различных экспериментаторов (Баймишева, 1975; Назарова, 1975; Рангелова, 1975; Тхостов, 1975; Артемьева, Баймишева, 1976) совпадает. Поэтому мы откажемся от приведения сводных статистических таблиц, а, наоборот, подробно остановимся на нескольких наблюдениях, сделанных в лаборатории нейропсихологии Института нейрохирургии им. Н. Н. Бурденко.

Больной К. (история болезни № 48579). Массивное поражение переднебазальных отделов лобных долей мозга вследствие вдавленного перелома черепа. На первых этапах болезни в центре синдрома была патологическая инертность, которая проявлялась как в двигательной сфере, так и в речевых процессах. По мере обратного развития синдрома двигательные процессы освободились от патологической инертности. Инертность долго сохранялась в сложных формах мнестической и интеллектуальной деятельности. К моменту нашего исследования инертность в действиях почти исчезла и осталась только в наиболее сложных конфликтных пробах, исчезли мнестические нарушения: больной легко запоминал 7—8 слов из 10, однако дал высокое плато, не наращивая результатов, что, возможно, служит признаком остаточной инертности. Результаты оценки изображений по шкалам представлены в табл. 10: знаком «+» отмечается выбор левой оппозиции шкалы (например, оценка «легкий» в дихотомии «легкий — тяжелый»),

знаком «—» — противоположный выбор.

Больной Кор. (история болезни № 65172). Диагноз: опухоль правой лобной доли. Ориентирован, контактен, в центре синдрома при сохранности логических программ отмечаются импульсивность, срывы, утеря задания.

Оценки изображений по шкалам приведены в табл. 11.

Таблица 10

Результаты шкалирования изображений больным К.

Шкалы	Номер изображения							
	1	2	3	4	5	6	7	8
Легкий — тяжелый	+	+	-	+	-	+	-	+
Добрый — злой	+	-	+	+	+	+	+	+
Чистый — грязный	+	+	+	+	+	+	+	+
Горячий — холодный	-	-	-	-	-	-	-	-
Твердый — мягкий	+	+	+	+	+	+	-	-
Старый — молодой	+	-	-	+	+	+	-	-
Глупый — умный	-	+	+	-	-	-	-	+
Громкий — тихий	+	-	+	-	+	-	-	-
Медленный — быстрый	+	+	+	+	+	+	+	+
Сытый — голодный	+	-	+	-	+	+	-	-
Противный — приятный	-	-	-	-	-	-	-	-
Активный — пассивный	+	-	+	+	+	+	+	+
Горький — сладкий	+	+	-	+	-	+	+	+
Смелый — трусливый	+	-	+	+	+	+	+	-
Несчастный — счастливый	-	-	-	-	-	-	-	-
Сильный — слабый	+	+	+	+	+	+	+	+

Больной П. (история болезни № 59460). Диагноз: опухоль левой лобно-височной доли. Ориентирован, контактен, в центре синдрома недоступность интеллектуальных проб, утеря программы задания. Оценки изображений приведены в табл. 12.

Сравним оценки больных с оценками нормальных испытуемых. Известно (Артемьева, Назарова, 1977), что в норме устойчивыми (одинаково называемыми от 75 до 100% испытуемых) свойствами являются следующие:

<i>изображен</i> <i>ие 1</i>	<i>изображение</i> 2	<i>изображение</i> 3	<i>изображен</i> <i>ие 4</i>
легкое	чистое	чистое	громкое
доброе	холодное	холодное	быстрое
чистое	твердое	твердое	сытое
холодное	приятное	быстрое	активное
молодое	горькое	противное	горькое
умное	смелое	горькое	сильное
тихое			
приятное			
активное			
сладкое			
смелое			
<i>изображен</i> <i>ие 5</i>	<i>изображен</i> <i>ие 6</i>	<i>изображен</i> <i>ие 7</i>	<i>изображение</i> 8
тяжелое	доброе	чистое	легкое
злое	сытое	горькое	доброе
пленное	приятное	сильное	чистое
мягкое	старое		молодое
сытое			тихое
			сытое
			приятное
			смелое
			слабое
			счастлиное

Таблицы оценок больных отличаются от **них** нормативных оценок. Больной К. в центре синдрома которого слабые следы Инерционности) почти все изображения оценивает одинаково, чаще выбирая для оценок положительные признаки. Так, все подряд изображения оказались для него добрыми, чистыми, медленными, активными, сильными, счастливыми. Это несомненные проявления все той же инерционности. Однако тем более Интересно отметить, что расхождение с нормальными оценками по сильным шкалам не так значительно: оно даже укладывается в статистические допуски. Если оценить вероятность получения наблюдаемой картины в норме, то она равна 0,12, т. е. больше «недопустимого» граничного числа 0,1 (при 90%-ном уровне надежности)¹. При этом различия по гностическим шкалам (механическим, системным) существенно меньше различий по эмоционально-оценочным шкалам 8 против 1, хотя сами шкалы представлены одинаково часто.

Таблица 11

Результаты шкалирования изображений больным Кор.

Шкалы	Номер изображения							
	1	2	3	4	5	6	7	8
Легкий —	—	+	+	—	—	—	—	—

¹ Вероятность единичного отклонения в норме по логике построения шкал равна 1/4. Общее число устойчивых шкал равно 50. Число расхождений у больного К- равно 16. Тогда искомая вероятность равна $1 - \Phi(1,14) = 0,12$, поскольку нормированное число успехов есть:

$$\frac{16 - 12,5}{\sqrt{50 \cdot 0,25 \cdot 0,75}} \approx 1,14.$$

тяжелый								
Добрый — злой	+	+	—	+	+	+	+	+
Чистый —	+	+	+	+	+	+	+	+
грязный								
Горячий —	+	—	—	—	—	—	—	—
холодный								
Твердый —	+	—	+	+	--	—	—	+
мягкий								
Старый —	—	—	—	—	+	—	—	—
молодой								
Глупый — умный	—	—	—	—	—	—	—	—
Громкий —								
тихий								
Медленный —	+	—	—	—	—	+	—	+
быстрый								
Сытый —	—	—	—	—	—	—	—	—
голодный								
Противный —	+	—	—	+	—	—	—	+
приятный								
Активный —	+	—	—	+	+	+	+	—
пассивный								
Горький —	+	—	+	+	—	+	+	+
сладкий								
Смелый —	+	—	+	+	—	+	+	+
трусливый								
Несчастный —	+	—	+	+	+	—	+	—
счастливый								
Сильный —	—	—	—	—	—	+	+	—
слабый								

Совсем другая картина у больного Кор.

(правостороннее поражение лобных долей). ...Расхождение здесь идет в основном по гностическим шкалам: 12 различий по шкалам этого числа и 6 — по эмоционально-оценочным.

Таблица 12

Результаты шкалирования изображений больной ч П.

Шкалы	Номер изображения							
	1	2	3	4	5	6	7	8
легкий—тяжелый	—	+	+	—	—	—	—	—
добрый — злой	+	+	—	+	+	+	+	+
чистый — грязный	+	+	+	+	+	+	+	+
горячий —	+	—	—	—	—	—	—	—
холодный								
твердый — мягкий	+	—	+	+	—	—	—	+
старый — молодой	—	—	—	—	+	—	—	—
глупый — умный	—	—	—	—	—	—	+	+

громкий — тихий	—	—	—	—	—	—	—	—
медленный —	+	—	—	—	—	+	—	+
быстрый								
Вытый —	—	—	—	—	—	—	—	—
голодный								
противный —	+	—	—	+	—	—	—	+
приятный								
активный —	+	—	—	+	+	+	+	—
пассивный								
Горький —	+	—	+	+	—	+	+	+
сладкий								
смелый —	+	—	+	+	—	+	+	+
трусливый								
несчастный —	+	—	+	+	+	—	+	—
счастливый								
Сильный —слабый	—	—	—	—	—	+	+	—

У больного П. (левостороннее поражение лобных долей) тоже 8 различий по эмоционально-оценочным шкалам, 2 — по гностическим. Общий факт наших наблюдений состоит том, что при *правостороннем* поражении лобных долей расхождение оценок с нормой идёт по *гностическим шкалам*, при левостороннем поражении лобных долей — по *эмоционально-оценочным*. Видимо, в последнем случае нарушается отношение к объекту, само принятие задачи; в первом же случае — механизм оценивания. Это хорошо согласуется с представлением о том, что при поражении левых лобных отделов разрушается функциональная *организация* деятельности (программа), а при правосторонних поражениях этих отделов — *содержательная* структура деятельности (наполнение программы) (Артемьева, Баймишева, 1975).

Более направленно нами изучалось применение методики свободного описания формы. Если просмотреть многочисленные протоколы описаний наших изображений нормальными испытуемыми (таких протоколов, полученных в разных экспериментах и разными экспериментаторами, нам известно более 500), то можно выделить устойчиво повторяющиеся описания:

- изображение 1 — снежинка, график;
- изображение 2 — звезда, разбитое стекло;
- изображение 3 — Буратино, карикатура, ракета;
- изображение 4 — серп и молот, консервный нож.
- изображение 5 — кувшин, туловище;
- изображение 6 -- туфля, кувшин;
- изображение 7 — выкройка;
- изображение 8 — круг.

Названия здоровых испытуемых состоят, как правило, из одного существительного или сочетания типа «разбитое стекло», «кусочек дерева». Эти испытуемые не дают нескольких номинаций. Мы просмотрели результаты выполнения методики свободного описания У 73 больных (распределение их по локализации очага поражения представлено в табл. 13).

Однако следует заметить, что это разбиение достаточно условно: большинство больных имели смешанные поражения (лобно-височное, лобно-височно-теменное), и это, естественно, крайне затрудняло способы представления и интерпретацию результатов. Стратегия обработки результатов была близка к методу нестатистической

факторизации (Артемьева, Баймишева, 1975) и состояла в том, что сначала до направленной обработки материала строились грубые гипотезы для представления результатов, затем гипотезы проверялись и переформулировались. Строительным материалом для выдвижения гипотез служили ряд теоретических предположений нейропсихологии и просмотр протоколов. Предварительная гипотеза была такова.

Таблица 13

Распределение больных по локализации очага поражения

Поражения передних отделов		Височные поражения		Постцентральные поражения	
левостороннее	правостороннее	левостороннее	правостороннее	левостороннее	правостороннее
10	12	5	6	23	20

Передняя локализация очага. При поражении лобных долей должны наблюдаться нарушения типа, «застревания» названий: при этом левосторонние поражения должны приводить к прямым повторениям названий, а правосторонние — к застреванию фрагментов, остаточным влияниям описания предыдущего изображения. Основанием для такого предположения послужили соображения о том, что функциональная роль лобных долей состоит, в частности, в контроле за организацией выполнения любого задания (за «прохождением программы»). При этом левосторонние структуры обеспечивают контроль «прохождения» (включения, переключения, останова), а правосторонние — контроль «наполнения» (т. е. стирания и записи содержания «программы»). Эти соображения были подтверждены экспериментально (Баймишева, 1976) и не противоречат современным нейропсихологическим данным о симптоматике при поражении передних отделов головного мозга.

Височная локализация очага, видимо, при левосторонних поражениях должна давать обычную «вербальную» симптоматику, т. е. неуверенность в ответе, развернутый поиск вербального обозначения. Труднее предсказать симптоматику нарушений при правосторонних поражениях. Здесь можно только опереться на предположение о роли височных структур в оперативной памяти — правостороннее поражение должно тогда приводить к снижению симультанности актуализации вербальных обозначений и, следовательно, к обеднению продукта.

Поражения теменных отделов наиболее прямо связаны с аномалиями перцептивного структурирования. Трудности называния, очевидно, связаны в этом случае не с вербальной, а с визуальной квалификацией объекта. Видимо, следует ожидать неустойчивости, неуверенности обозначений, вынесенного вовне «вербального разглядывания»¹ объекта. При этом левосторонние поражения должны приводить к нарушениям организации визуального поиска, правосторонние — к фрагментарности (а как следствие — к вычурности) визуальных квалификаций, т. е. к сдвигу содержания визуальных квалификаций.

После просмотра протоколов все наблюдаемые симптомы классифицировались с учетом

¹ Термином «вербальное разглядывание» мы называем феномен, состоящий в том, что изображение называется не сразу, а название уточняется. Например, для изображения 8 — «что-то на платформе, на микропоре каблук... ботинок на платформе».

высказанных выше предположений о характере нарушений в результатах выполняемой методики и были разделены на 6 групп:

- 1) застревание,
- 2) многопредметность,
- 3) неуверенность,
- 4) манипулирование объектом,
- 5) необычность ответа,
- 6) многоречивость.

1. Застревание. Под этим подразумевалось следующее:

а) персеверация названий:

изображение 5 — сосуд¹,

изображение 6 — сосуд,

изображение 7 — сосуд;

б) повторение ситуации, например, больной дает ответы:

на изображение 1 — «метелка какая-то»,

на изображение 2 — «скребелка-метелка»,

на изображение 3 — «на какой-то лист на дереве».

на изображение 4 — «не знаю... типа дерева»,

на изображение 5 — «нет, на дерево не похоже, такого дерева не бывает»,

на изображение 6 — «как пень»,

на изображение 7 — «как лист на дереве»;

в) цепочка с перекрытием, когда даются следующие ответы:

изображение 1 — «звезду напоминает»,

изображение 2 — «половина звезды, уродство какое-то»,

изображение 3 — «что-то несообразное... Обрезанный огурец, который резала плохая хозяйка».

2. Многопредметными назывались ответы, когда на одно изображение давалось несколько названий: *изображение 6* — «кость, или ботинок, или дерево, может быть гриб, нарост, вздутие».

3. Неуверенность. Этим параметром оценивались три типа ответов:

а) «не знаю» — «ничего нельзя придумать, ничего не нашлось в воображении»;

б) «не уверен» — «вроде карикатуры, не смогу объяснить, если бы тут ровненько было... был бы кувшинчик или ковшик»;

4. Манипулирование объектом. Имелось в виду:

а) условная трансформация объекта — «можно круг нарисовать, можно жука сделать, центр и эти... круг обвести, и получите колесо... хочется подвинуть, чтобы был ромбик»;

б) включение объекта в действие — «человек несет двоих детей, какой-то танцующий подсвечник»;

в) введение «преддействия» — кто-то играл, баловал, сплющил, может быть был круг, его ударили и вот получилось».

5. Необычность ответа:

а) вычурные ответы — «танцующий подсвечник»;

б) противоположный случай слишком скупого набора ответов.

6. Многоречивость ответа — «ничего определенного в таком виде эта картинка не напоминает. Либо лишнее здесь... или не хватает. Вот я долго на нее смотрю, и она мне кажется объемной... летит, летящий херувим в кавычках».

Для каждого протокола оценивались эти параметров, и если симптом наблюдался,

¹ Здесь и везде в дальнейшем при разъяснении вводимых параметров используются примеры ответов больных.

то на соответствующем месте ставилась единица с индексом модификации проявления этого симптома. Если симптом отсутствовал, то ставился ноль. Таким образом, каждому больному ставился в соответствие шестимерный вектор. Например: если у больного наблюдалось только застревание по типу персевераций, то соответствующий вектор имел вид (1а, 0, 0, 0, 0, 0).

Гипотетические векторы симптомов для поражений с «чистыми» локализациями предлагаются такими¹:

Правосторонние поражения передних отделов	Левосторонние поражения передних отделов
(1б, в, 0, 0, 0, 0)	(1а, б, 0, 0, 0, 0)
Правосторонние височные поражения	Левосторонние височные поражения
(0, 0, 0, 0, 1б, 0)	(0, 1, 1, 0, 0, 1)
Правосторонние поражения теменных отделов	Левосторонние поражения теменных отделов
1 (0, 0, 1, 1б, 0, 1)	(0, 1, 1, 1а, 0, 1)

Дальнейшая процедура обработки состояла в том, что каждому больному ставился в соответствие вектор, непосредственно построенный по протоколу. Далее отмечалось рассогласование реального вектора с гипотетическим, соответствующим локализации. При этом отсутствие симптома не квалифицировалось как несоответствие: единичным несоответствием называлось появление непредсказанного симптома. Для больных смешанных локализаций (а таких было большинство) предполагалось, что гипотетический вектор есть вектор, объединяющий симптоматику включенных локализаций. Например, гипотетический вектор для правостороннего поражения лобно-височных отделов имеет вид (1в, 0, 0, 0, 1б, 0). Такое объединение предполагает, конечно, совсем неочевидное утверждение: соединенные дефекты приводят к объединению, а не качественному изменению симптоматики. Если это предположение неверно, то это должно крайне затруднить интерпретацию результатов: не будет ясно, отчего произошло несогласие с гипотетической системой векторов — из-за ошибочности обсуждаемого предположения или из-за неправильности гипотезы о симптоматике «чистых» поражений. Но если реальные наблюдения согласуются с гипотетическими векторами, такая трудность становится неактуальной.

В наших результатах несовпадений реальных векторов с предсказанными было мало, и они все допускали оправдывающую интерпретацию, связанную с трудностью указания реальной локализации опухоли. Рассмотрим более подробно несколько примеров.

Больная Л. (история болезни 20523). Диагноз: лобно-базальная опухоль левого полушария с влиянием на висок.

Нейропсихологическое заключение: больная вялая, адинамична, ориентирована, но жалобы предъявляет неполно. Все виды праксиса сохранены, но обнаруживается тенденция к эхопраксии. Оценка и воспроизведение ритмов затруднены из-за персеверации отдельных фрагментов. В речи частные эхолалии, а также трудности называния и показа объектов на объеме из 2—3 элементов. При пересказе рассказов — персеверации отдельных фрагментов, контаминации. Зрительный гнозис первично

¹ Гипотетические векторы строились по результатам пилотажного просмотра протоколов с учетом априорной теоретической гипотезы.

сохранен. Счет и интеллектуальные операции выполняет фрагментарно, что связано с вялостью и инертностью.

Результаты предъявления теста семантико-перцептивных универсалий (ответы на задание назвать изображения 1—8):

1. Не могу придумать названия, не знаю... метелка какая-то.
2. Скребелка-метелка.
3. На какой-то лист на дереве похоже.
4. Не знаю... типа дерева.
5. Нет, на дерево не похоже, такого не бывает дерева.
6. Как пенёк.
7. Как лист на дереве.
8. Круг.

Вектор, соответствующий протоколу, имеет вид (16, 0, 1, 0, 0, 1). Предсказанный вектор должен объединять векторы, соответствующие лобному и височному поражению, т. е. иметь вид (1а, б, 0, 0, 0, 0, 0) + (0, 1, 1, 0, 0, 1) = (1а, б, 1, 1, 0, 0, 1). Реальный вектор согласуется с предсказанным (мы оговорили выше, что отсутствие симптома не является несогласием: в нашем случае не проявился характерный для теменных нарушений симптом многопредметности).

Больная И. (история болезни № 70311). Диагноз: продолженный рост опухоли (слигодендроглиома) в теменно-височно-затылочных отделах левого полушария.

Нейропсихологическое исследование: больная ориентирована, адекватна в поведении, подробно рассказывает о своем заболевании, которым очень озабочена. При обследовании выявляются трудности в пространственной организации позы. Отчетливые дефекты в симультанном воспроизведении даже простой ритмической структуры. Затруднения в понимании логико-грамматических конструкций. Трудности симультанного синтеза зрительных стимулов, проявляющиеся в понимании сюжетных картинок. Алексия.

Тест семантико-перцептивных универсалий:

1. Если провести линии — будет восьмигранник, а так — ничего определенного.
2. Звезда, но сугубо неправильной формы.
3. Так отнять — лопата, или как колпак у Буратино.
4. Так — летит, а тут вот подвинуть — будет хитрая кружка.
5. Оплавленный кусок свинца с тремя обрезами.
6. Как дерево, на котором можно усесться, но можно сделать носорога из этого рисунка.
7. Может быть круг, его ударили, сплющили — и вот получилось.
8. Солнышко, шар.

Вектор, соответствующий протоколу, имеет вид (0, 1, 1, 1а, 1, 0).

Предсказанный вектор (0, 1, 1, 0, 0, 1) + (0, 1, 1, 1, 1а, 1, 0) = (0, 1, 1, 1а, 1, 1).

Векторы согласуются.

Больной С. (история болезни № 70171). Диагноз: метастаз рака в правой теменно-височной области.

Нейропсихологическое заключение: больной аспонтанен, инактивен, не точно называет дату, нестойко ориентирован в окружающем, в собственном состоянии. Пробы на праксис позы выполняет фрагментарно, в пробах Хэда — трудности пространственной организации позы. Акустический анализ ритмов нарушен; воспроизведения ритмических структур дефектное, фрагментарное. В зрительном гнозисе — заметное игнорирование левого поля зрения, отсюда — фрагментарная оценка сюжетных ситуаций. Встречаются отдельные парагнозии в предметном гнозисе.

Тест семантико-перцептивных универсалий.

1. Можно отсюда пустить искры.
2. Значок пионерский, а если взять слесарное дело, там совсем другое.
3. Дамскую шапку напоминает.
4. Тень от стены, где шапку вешают... так рисуют.
5. На мясника в каска похоже.
6. Напоминает голову цыпленка вылупившегося.
7. Часть тела, вот шея, набросали на чертеже и подгоняют.
8. В пасмурный день луна может такой показаться.

Вектор по протоколу— (0, 0, 1, 16, 0, 0).

Предсказанный вектор (0, 0, 0, 0, 16, 0) + + (0, 0, 1, 16, 1, 0) = (0, 0, 1, 16, 16, 0). Векторы согласуются.

Таким образом, мы получили хорошее согласие предсказанных описаний нарушений с реально наблюдаемыми нарушениями. Нужно заметить, что векторы нарушений различны для всех локализаций, кроме одной пары: векторы нарушений при лево- и правосторонних поражениях передних отделов головного мозга являются пересекающимися. Нарушения нельзя различить по векторам, если реализуется симптом «застревания» (по типу 1б). Следовательно, если это возможно, нам стоит уточнить квалификацию этого симптома так, чтобы векторы стали различающимися. И на самом деле, если посмотреть на описания, имеющие застревания по типу 1б, то можно увидеть, что они весьма неоднородны. Застревания типа:

3. «Какой-то лист на дереве».
4. «Не знаю... типа дерева».
5. «Нет, на дерево не похоже, такого дерева не бывает».
6. «Как лист на дереве» — похожи на классические персеверации: «застревает» выполнение действия, происходит отключение от программы, выполняется фактически другая задача, застревания же по типу невозможности выйти за семантический круг:
6. «Наподобие чайника».
7. «Похоже на кружку».
8. «Кружка такая особая, с отколотой ручкой» — совсем другие: задание выполняется адекватно, а вот круг поиска ограничен, «наполнение» программы застряло. Разделение координат по этому симптому завершило бы разбиение симптоматики нарушений выполнения методики называния изображений на непересекающиеся синдромы, соответствующие разным локусам поражения.

Методика называния изображений могла бы стать действенной диагностической методикой.

Напомним, что отличие этой методики от обычных гностических заданий состоит в адресации к структурам субъективного опыта в условиях отсутствия набора возможных ответов. Это кардинально меняет задачу: испытуемый вводится не в пассивное узнавание, не в поиск в заданном алфавите, а в активный поиск алфавита. Поэтому и методика оказывается более богатой.

Строение векторов распада позволяет нам получить новые подтверждения тому факту, что левосторонние поражения головного мозга на всех уровнях связаны с нарушением организации функциональной стороны деятельности, манипулирования с объектом (визуальными структурами для задних отделов мозга, вербальным поиском — для височных и т. д.), а правосторонние — содержания деятельности, образной квалификации. Создается даже впечатление, что можно указать общий радикал

правосторонних поражений — снижение симультанности работы с образными структурами — и предположить, что функциональное назначение правополушарных образований состоит в обеспечении симультанности, т. е. особо острого его участие проявляется в сопоставлениях, структурировании и других деятельности такого типа.

Субъективная картина мира и некоторые перспективы ее описания

(Вместо заключения)

Во вступительной статье к сборнику «Восприятие и деятельность» А. Н. Леонтьев (1976, с. 21) писал о том, что «общественно выработанные словесные значения, усваиваясь субъектом, приобретают как бы новую свою жизнь, новое движение в его индивидуальной психике. В этом движении они вновь и вновь, но особым образом соединяются с чувственной тканью, которая непосредственно связывает субъекта с предметным миром, как он существует в объективном пространстве и времени». Мы пытались проследить это движение значений в очень частной экспериментальной ситуации опознания и описания нейтральных, несемантизированных явно изображений. Уже на этой простой модели мы смогли увидеть, как пристрастно отношение субъекта к входящему с ним в контакт предметному миру, как активно он (субъект) структурирует этот мир, создавая для себя его проекцию. Вещи всегда наделяются свойствами, характеризующими их взаимоотношения с субъектом. В частности, геометрические формы оказываются наделенными жестко сцепленными комплексами свойств, ведущими из которых являются эмоционально-оценочные свойства. У субъекта складывается картина мира, картина свойств вещей в их отношениях к нему и друг к другу.

Эти представления о свойствах вещей «упаковываются» в некоторые структуры, устройство которых мы и пытались выяснить в одном из частных случаев. Такие структуры являются единством отношения, функционирования и знания и поэтому подлежат семантическому изучению вместе (неотрывно) с изучением манипулятивных особенностей субъекта, особенностей актуализации.

Единственный способ выявить актуальные свойства объектов и структуры субъективного опыта — это изучать их в условиях неопределенных инструкций, нерегламентированных задач. Поэтому и в дальнейшем мы намерены идти по пути наиболее возможного «раскрепощения» инструкций, надеясь таким путем построить актуальные манипулятивные поля объекта; выяснить, чем не может быть объект, каковы запреты на актуальные структуры. Другим путем уточнения строения структур опыта может быть, на наш взгляд, изучение направленного переструктурирования. Мы имеем в виду все аспекты генетического исследования и исследования актуальных координат (например, координат формы) при контролируемом сдвиге отношения и сдвиге аффекта. Видимо, полезными были бы расширение экспериментальной ситуации и переход к комплексному описанию закономерностей устройства картины мира субъекта.

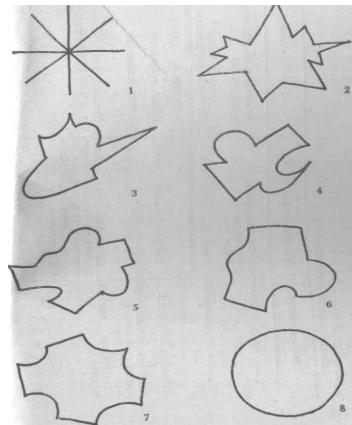
Здесь следует иметь в виду, по крайней мере, три аспекта описания: собственно-семантические структуры, связанные с системами значений, актуализирующимися в той или иной ситуации; манипулятивный статус субъекта — способ принятия ситуаций, и, наконец, структуры отношения к ситуациям, которые можно было бы попытаться описать, измеряя глубину семантизации (в смысле удаления от прямых предметных свойств).

И еще об одной методической особенности исследований, обсуждаемых в нашей книге. Поскольку речь идет об индивидуальных свойствах субъекта, его личных взаимоотношениях с миром, каждая протокольная запись индивидуальна, протоколы с трудом унифицируемы и принципиально не допускают первичного статистического представления результатов. Мы имеем в виду бессмысленность априорной,

производимой до содержательного анализа, формализации результатов приписанием числа или другого индекса. Разнообразие экспериментального материала не должно теряться! Поэтому приходится переходить от статистики численных результатов к статистике по логике результатов, т. е. создавать статистические критерии для проверки гипотез, содержательно интерпретируемых как «однонаправленность результатов», «наличие тенденции» и т. п. Интрастатистически — это непараметрические критерии. Они менее распространены, чем известный набор критериев проверки гипотез о параметрах распределений, и зачастую их приходится строить заново для специализированных задач. В связи с отмеченной индивидуализацией результатов, видимо, полезно применять и такие формализм описания, которые позволяют добиться доказательных выводов нестатистическим путем.

приложение 1

ОСНОВНОЙ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ СЕРИИ

Приложение 2

ОСНОВНЫЕ СЕРИИ ЭКСПЕРИМЕНТОВ

Название серии	Экспериментальный материал	Содержание задания
Шкалирование изображений	Набор изображений (Приложение 1)	Прошкалировать предъявленные изображения
Обратное воспроизведение	Набор шкал Список сильных свойств в серии «шкалирование изображений»	Нарисовать изображения, соответствующие предъявленным спискам свойств
Называние изображений	Набор изображений	Назвать изображение
Свободное описание изображения	» »	Описать изображение
Шкалирование названий (описаний)	Собственные или заданные другими испытуемыми названия (описания), набор шкал (тот же, что и в серии «шкалирование изображений»)	Прошкалировать предъявленные названия (описания)

Приложение 3

СВОДНАЯ ТАБЛИЦА НАЗВАНИЙ И ОПИСАНИЙ ИЗОБРАЖЕНИЙ

№ изо - бра же- ния	Испытуемые (номер протокола)		
	1	2	
1	СНЕЖИНКА разнонаправленное, нерешительное, тревожное, содержащее в себе проблему выбора.	ПЕРЕКАТИ-ПОЛЕ шероховатый, шарообразный, легкий.	
2	ЗВЕЗДОЧКА что-то несерьезное, как на новогодних открытках, смешливое и легковесное.	СОБАКА гавкающая от скуки, не слишком злое изображение.	
3	ДЯТЕЛ вызывает ощущение пережженного кофе, неприятная, вызывает иронию.	ПРОНЫРА пронырливая, трусливая, мелочная.	
4	ГОРНЫЙ ОРЕЛ азиатская, мечети всякие, Бухара, ущербленная, что-то зловещее.	КОРШУН клыкастый, злой, противный, хищный	
5	МЕДВЕЖОНОК смешная, картофельная, обрубленная, уютная	СЛОНИК «слонястая», от слова слон, добродушная,, флегматичная.	
6	ПОЛЕНО нежное, телячье, доверчивое, немного несуразное и придурковатое.	МУДРЕЦ добродушная.	
7	КУСОК ЖЕСТИ что-то почти полное, но малоинтересное.	ГОЛОВА ЖЕНЩИНЫ кокетливая, миловидная, капризная.	
8	БЛАГОПОЛУЧИЕ полный комфорт, вот что значит хорошая форма.	ЛУНА	
	№3	№4	№5
1	КРЫША звонит, вертится, острая	СНЕЖИНКА задумчивая, глубокая.	ПАУК геометрическая, верная, нечто строгое и поэтому как бы холодное, паукообразное, подавляет.

2	ВЗРЫВ расплющенная, удивленная, мычащая.	МАСКАРАД интересная, веселая и тра- гичная, загадочная.	ЗВЕЗДА приятно на глаз, вернее не от- талкивает, всепоглощающее внимание.
3	КОЗЕЛ острое, странная, далеко, бомба.	ГОЛОВА комичная, веселая.	БУРАТИНО смешная, глуповатое, что-то от Буратино, головастый, но не умный, простодушный, спокойный
4	ПТИЧКА летающая, звучащая, сильная.	КОРШУН неприятная, злая.	КУВШИН кувшин со схематично выраженными формами, приятный, за- мысловатый, похоже на стиль скифских времен
5	МЯКИШ пластилинное, мякоть, круглая, текущая, лежащая.	ЖЕНЩИНА грустная.	КОСМОНАВТ, ПАРЯЩИЙ В ВОЗДУХЕ аляповатая, неопределенная, амебообразная, неприятная, вы- зывает раздражение.
6	СКУЛЬПТУРА форма, крепкий, молчит, растет.	ЧЕЛОВЕК В КОЛПАКЕ вкусная, смешная.	БАШМАК вздорная фигура с претензией на исключительность, туповата, однозначна, неприятна.
7	КОЛОННА (вид сверху) гармония, мягкая, тянется, катится.	ДЕВУШКА взбалмошная, хрупкая.	ВИД ЗДАНИЯ СВЕРХУ явно неопределенная, но не чувствуется аляповатости, резко выраженные формы.
8	ШАР удобная, прямая, сужается.	РОК приятная, ужасная.	ПЕТЛЯ круг, петля, расплывчато и не- определенно, не

люблю сглаженных форм.

	№6	№7	№8
1	ВЕКТОРЫ это нечто бесконечное, строгое, определенное.	ЗВЕЗДА приятная, задумчивая, загадочная.	СНЕЖИНКА правильная, праздничная.
2	осколок разбитое стекло, игра случайных сил, гармонично.	СНЕЖИНКА невесомая, тихая, искристая.	ЗВЕЗДА мечтательная.
3	КОМЕТА быстрая, устремленная вперед.	КОСМИЧЕСКИЙ КОРАБЛЬ быстрая, одинокая, тревожная.	РАКЕТА загадочная.
4	ФИКУС очень негармоничная, функциональное назначение непонятно.	ХИЩНИК злая, омерзительная.	ЗЛОЙ ЦАРЬ смешная.
5	ОБРУБОК ДЕРЕВА наверное, сделанная из дерева, объемная, приятная.	ОБЕЗЬЯНА жалкая, безобразная, противная.	ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ЛИЦО расплывчатая, мягкая.
6	УНИТАЗ похоже на маску, пустотелое, бесцветное, из картона.	ПЕТУШОК веселая, сладкая, хрупкая.	УЗОР что-то типа узора.
7	ФАРТУК наверное, материя после раскроя.	КАМЕНЬ бесформенная.	УЗОР хмурая, высокомерная.
8	ШАР гладкое, круглое, законченное, совершенное.	ЛУНА далекая, желтая, недоступная, холодная.	КОЛЕСО абстрактная.
	№9	№10	№11
1	РЕШЕТКА что-то запретное, колючее, мешающее.	ГРАФИК разбегающаяся, колючая, светящаяся, быстрая.	МЕЛЬНИЦА дерево, некрашенное, как на старых мельницах, шершавое, светло-

			серое.
2	СНЕЖИНКА колючее, острое, легкое, как снежинка, воздушное, меняющееся.	ГАЛАКТИКА пульсирующая, тревожная.	КАМЕНЬ камень, очень угловатый, гладко отполированный, изумрудного цвета.
3	ГАРПУН тупое, жестокое, бессердечное, четкое, красивое.	СПУТНИК острая, летящая, металлическая.	СПУТНИК спутникообразное не очень мягкое, темного цвета.
4	КРЮК хищное, паучатое, хватательное, держущее, нацеленное прямо в душу.	ДЯТЕЛ серповидная, страшная, не- приятная, гордая.	КОФЕЙНИК тонкий металл, бронзового цвета, похоже на кофейник.
5	ТЕСТО что-то расплывчатое, туманное, непонятное, страшное, неприятное, хочется отбро- сить.	СТВОЛ ДЕРЕВА бесформенная, липкая, раз- двоенная, желеобразная.	ЖЕНСКАЯ ГОЛОВА подобие женской головы, рыжий пышный волос с маленькой кепкой.
6	ГИДРА ленивое, сидящее, пухлое, неподвижное, скользкое.	ТОРС кривая.	КОФТОЧКА легкий шелк или какой-то ис- кусственный материал, прозрач- ный, мягкий, нежный.
7	ЩИТ звонкое, но тяжелое, щито- образное.	ЛОСКУТ странная, нездешняя.	КОКЕТКА НА ПЛАТЬЕ мягкая, шерстяная ткань, темная. Или кусок металла.
8	ШАР пухленькое, катящееся, свер- кающее, хочется в руки взять.	КРУГ глупая, простая.	ШАР (МЕТАЛЛ) металлический шар с гладкой поверхностью, тяжелый, темный, небольшой.
	№12	№13	№14

1	ЛУЧИ скрещивающиеся, двукрестовая, крестоналоженная , плоская, солнцеобразная, лучевая.	ПЕРЕКРЕСТОК ясная, но в то же время проблема выбора, прямолинейная, лучистая.	СНЕЖИНКА звездообразная.
2	ОБРЕЗОК остроугольная, разбегающаяся, оформившаяся.	ЗВЕЗДОЧКА звездообразная, устремленная, разветвленная.	ВСПЫШКА СВЕТА кристаллообразная.
3	ЛИЦО головоподобная, ушастая, толстый, длинноносый, глуповатый.	РАКЕТА быстрая, обтекаемая.	ГОНДОЛА обтекаемое, яйцевидное, неес- тественное.
4	КРЮЧКОНОС крестоподобное, обрубленное.	ПТИЦА летучая, царственная, приветствующая.	ЖЕНСКИЙ ШЛЕМ секирообразное.
5	ОБРУБОК обрезанная, незначительная.	ЖЕНСКОЕ ЛИЦО голова женщины с прической, мягко очерченная, одинокая, грустная.	ОБРЕЗАННАЯ КАРТОШКА неестественная, необтекаемая, замкнутая.
6	КУСОК ДЕРЕВА широкая, неплоская, ботинкоподобная.	ПЕНЬ тяжелая, грубая, бесформенная.	МУЖСКОЙ ШЛЕМ шлемообразная.
7	КУСОК БУМАГИ выемковатая, плоская.	КАМЕНЬ ДЛЯ СКУЛЬПТУРЫ углообразная, угловая, не- оформленная.	РАСПАШОНКА детская одежка.
8	КРУГ круглая, плоская.	РАЗДУТАЯ ТОЧКА конкретная, знакомая и безынттересная.	ОБОД шарообразная.
№15			№16
1	ВЕРТУШКА подвижное, летучее.	ЗВЕЗДОЧКА трафаретная, бездумная, неинтересная.	ПРОСТРАНСТВО красивая, равномерная, добрая, разносторонняя, сильная.

2	КРИСТАЛЛ звонкое, хрупкое, ломкое, холодное, светлое, прозрач- ное.	ЗВЕЗДА интересная, абстрактная, на- водящая на размышления, угловатая.	ЗВЕЗДА редкая, звездообразная, паучная, ровная, победная.
3	КОМЕТА быстрое, гладкое, блестящее.	КАРАКАТИЦА амеба, непонятная, неправильная геометрически.	ПТИЦА стремительная, симпатичная, скоростная, красивая.
4	ЯЩЕРИЦА скользкое, верткое, мокрое.	ЗАМОЧНАЯ СКВАЖИНА амфибия- приведение, голубь с квадратными крыльями.	ГОЛУБКА красивая, восточная, оригинальная.
5	ПЛАСТЕЛИН мягкое, теплое, вязкое, тяжелое, доброе,	НЕРВНАЯ КЛЕТКА обрубок, ствол дерева с наростами.	ОБРУБОК безобразная, убожество, ехидная, страшная, раскоряченная.
6	УВАЛЕНЬ тяжелое, грустное, флегматичное.	глупая абстракция, неинтересная.	ПЕНЕК некрасивая, серая, одинокая, неудобная.
7	БУМАЖКА плоское, легкое, неодушевленное, жесткое, плотное, острое.	ВЫКРОЙКА глупая, скучная, бессмысленная, неестественная.	ВЫКРОЙКА странная, развернутая, удобная, очень далекая.
8	ШАРИК тяжелое, полное, ровное, теплое.	КОЛЕСО глупая, правильная, полезная, неинтересная, дырявая, шероховатая.	ШАР круглая, добрая, симпатичная любимая, близкая, красивая.

№18

№ 19

№20

1	ГРАФИК прямолинейное, ветреное, острое, легкое, жесткое,	ПРОЕКЦИЯ ЕЖА снежинка, проекция ежа, звезда.	СНЕЖИНКА красивое, приятное.
---	--	---	---------------------------------

	направленное.		
2	ЗВЕЗДА листообразное, звездоподобное, странное, колючее.	ДЫРКА В СТЕКЛЕ ОТ МЯЧА неправильный кристалл с остроугольными и тупоугольными гранями.	ЛИСТ ДЕРЕВА приятное.
3	ТУПИЦА продолговатое, ушастое, тупое, как баран, большое.	ЛЕТЯЩИЙ СНАРЯД нечто устремленное вперед, голова с длинным носом, веселая.	АИСТ добродушная, снисходительная.
4	ХОЛОДНОЕ ОРУЖИЕ острое, тяжелое, блестящее, кривое.	ПОПУГАЙ устройство для открывания бутылок, попугай в цилиндре.	ПЕТУШОК изменчивое, услужливое.
5	ЧЕЛОВЕК человеческое, угловатое, неприятное, самодовольное.	ГОЛОВА рубашка, голова с отрезанным носом.	ДЕТСКАЯ ИГРУШКА детское, простодушное.
6	БЮСТ женское, красивое, не очень мягкое, дефектное.	ЗЕВАЮЩАЯ ГОЛОВА часть сустава, сильно дефор- мированная.	КОЗОЧКА доброе, открытое.
7	ЛИСТ БУМАГИ непонятное, угловатое, нече- ловеческое, не очень хорошее.	ПЛОЩАДЬ площадь в городе, бассейн, объединенный кусок чего-то.	БЛЮДО игривое, доброе.
8	ЛУНА круглое, выпуклое, противное, гладкое, ничего не выражающее, пустое, ненужное.	мяч ком снега, круглая дыра, проекция трубы с тонкими стенками.	БЕГОВАЯ ДОРОЖКА НА СТАДИОНЕ добродушное.

